DK
174

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
308
54

Дорогому Степану Борисовичу
Веселовскому от автора
на память
12/II 29

Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века.

Б. Д. Греков.

I

Чем заметнее пробуждается научный интерес к истории России XVIII века, тем яснее обнаруживается скудность и неточность самых основных положений, на которых покоятся наши представления об этом времени. Правда, запросы всегда шире реальных возможностей, но в данном случае мы имеем очень серьезное расхождение между спросом и предложением: современным требованиям, предъявляемым нашими исследователями XVIII — XX вв., может удовлетворить только большая коллективная плановая работа по выявлению и обследованию необходимого материала. Для единичного работника остается только путь частичных наблюдений. К этой категории работ я отношу и свою попытку обследовать выявленный хозяйственный анкетный материал середины XVIII века, в наш научный обиход до сих пор не поступавший.

Со всех сторон мы получаем известия о том, что в 60-х годах XVIII века хозяйственные вопросы в глазах русской власти и русского общества приобретают выдающийся интерес.

Вольное Экономическое Общество в 1765 году называет свое время экономическим. Правительство в 1762 году говорит об экономических вопросах, «основательство коих само по себе ощутительно и отлагательство которых способно подвергнуть государство претерпению», и в то же время приступает к серьезной работе по их обследованию. Генерал-прокурор кн. А. А. Вяземский пользуется аппаратом провинциальной прокуратуры для собирания экономических сведений по запросам Вольного Экономического Общества.[1] Академия Наук начинает ряд интереснейших предприятий, связанных с познанием естественных и производительных сил России, к каковым нужно отнести научные путешествия академиков Гмелина, Гильденштета, Палласа, Лепехина, Озерецковского, Ловица, адъюнктов Георгия, Иноходцова и др. На страницах Академических Известий этого же времени можно читать «Примечания, служащие к познанию как сельского домостроительства», так и состояния различных районов России по исследованиям Палласа, Гмелина, Гильденштета и др.

[1] Ркп. Гос. Публ. Библ. F.X.2.

Там же печатается труд Гильденштета «О произведениях Российских», его же «Рассуждение о торговле между Россией и Германией по Дунаю и Черному морю». Тут же отмечен факт научного исследования чисто практического вопроса о возможности соединения Дона с Волгою для облегчения торговли по Каспийскому и Черному морям, вопроса, не доведенного до конца при Петре I и возобновленного «в новейшие времена», для чего были командированы акад. Ловиц и адъюнкт Иноходцов. К сожалению, исполнению задачи помешали «бывшие на Волге беспокойства» (Пугачев) и т. д. К числу академических предприятий, направленных к экономическому познанию России, нужно отнести планы и работы Ломоносова не только по вопросам специального хозяйственного строительства, но и по Географическому Департаменту, на том основании, что сам Ломоносов соединял географию с знанием русского хозяйства и обещал от этой науки пользу «внутренней государственной экономии».

Интерес власти к подобного рода начинаниям выражался не только в поддержке этих начинаний, но и в последовательных законодательных актах, внутренно с ними связанных. Власть нельзя упрекнуть в пассивности и инертности в этом направлении: достаточно отметить хотя бы всем известные факты: отмена внутренних таможен, предоставление свободы вывоза хлеба за границу, меры к увеличению производства хлеба и поднятию на него цен, дарование вольности дворянству, позволившее дворянину жить у своего деревенского хозяйственного очага, освобождение монастырских крестьян и предоставление им права свободного выбора занятий, образование нескольких специальных комиссий, в том числе Комиссии о коммерции, специальные обследования путей сообщения на предмет их улучшения и т. д. Не менее показательно и умонастроение самой Екатерины: она желает сделать народ свой промышленником, называет торговлю своим дитятей, считает, что прилежать к ней есть дело самых высочайших особ достойное, она же ставит вопрос об экономической целесообразности освобождения крепостных. Мыслей, подобных названным, много рассыпано в разных ее произведениях. Здесь можно было бы привести еще немало доказательств большого интереса теоретического и практического к вопросам, так или иначе связанным с хозяйством этого времени. Но для моих целей достаточно и сказанного.

В этой обстановке повышенного внимания к хозяйственной стороне жизни делается вполне понятным, почему вдруг четыре различных учреждения — Академия Наук, Шляхетный Кадетский Корпус, только что возникшее Вольное Экономическое Общество и Сенат почти одновременно пожелали подлинно знать, как живут и чем занимаются различные группы населения на всем протяжении Российской Империи. Здесь я не учитываю сведений, собранных Комиссией о коммерции.

Первая мысль в этом направлении принадлежит Ломоносову. С 1757 г., когда Ломоносов стал советником канцелярии Академии Наук, он не переставал заботиться о составлении атласа России и ее географии. По его плану 26 мая 1759 г. посланы были запросные пункты в Синод для выяснения местонахождения монастырей; он же был инициатором анкеты для собирания мате-

риалов по экономической преимущественно географии России. Для того, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что Ломоносов особенно много интересовался хозяйственной жизнью России, я позволю себе привести тому несколько доказательств.

Около 1759 года приблизительно им составлен набросок проекта об учреждении в России «Государственной Коллегии (сельского) земского домостройства».[1] Это нечто вроде позднейшего Министерства Земледелия. Ломоносов полагал, что по сравнению с другими коллегиями «Коллегия сельского домостройства всех нужнее». Основное назначение коллегии «смотреть о внутренних (изобилии) избытках в государстве». Вот как мыслил себе устройство этой коллегии Ломоносов: во главе стоят неизбежные президент и вицепрезидент, но они должны быть «весьма знающими в натуральных науках». Советниками должны быть: два физика, два или три химика, ботаник, специалист по «натуральной истории», медик и, кажется, механик и геолог; асессорами — форстмейстер, садовник, арендатор.[2] Это, так сказать, присутствие. При нем должна быть канцелярия, состоящая из секретаря (в скобках Ломоносовым приписано: «корреспонденция с учеными»), которому подчинены два канцеляриста, подьячие, сторожа, переводчики. Тут же при Коллегии библиотека, типография и издательская часть. В конце проэкта стоит — «Прокурор». По внешности все, как и полагалось в коллегиях.

Это учреждение должно быть независимым от Академии: «соединить с Академией — ничего не будет доброе». С Академией Коллегия только входит в сношения. Ученость членов Коллегии обязательна. Ломоносов это подчеркивает: «твердить, что (б) ученые все были». Эти коллежские советники и асессоры, хотя и могут сочинять «пьесы», однако их главная должность разуметь и рассуждать присылаемые сочинения. Стало быть, это высший орган, имеющий назначение руководить делами, высказывать свои ученые приговоры. Кроме этого ученого ареопага предполагаются «члены по всему государству», которых «должность читать иностранные книги и вести корреспонденцию». Эти члены должны быть «по всем провинциям по 2 и по 3 из дворян, управителей государственных и дворцовых деревень», т.-е., из специалистов по сельскому хозяйству. Они должны изучать сельское хозяйство, ставить опыты и свои наблюдения присылать в Коллегию. Не возбраняется каждому обывателю присылать свои мысли по вопросам экономики. Предлагалось также собирать сведения о всяких в натуре приключениях, о погодах, урожаях, недородах, пересухах, лесах, дорогах, каналах, ремеслах, продуктах и пр. При Коллегии должно быть образцовое опытное хозяйство с различными видами почв и разным устройством поверхности, «где б разные места были, гористые и сухие, болотистые, и глинистые, и луговые». Коллегия должна работать энергично, чтобы «сие производилось не так, как побочное дело», а устраивались бы собрания «по вся дни». Коллегия публикует задачи на премию.

---

[1] Сборник Отд. Русск. Яз. и Сл., т. VIII, стр. 313.

[2] Последние две специальности стоят у Ломоносова над асессорами, после советников; может быть, их нужно отнести к советникам.

Это только набросок, из которого очень трудно вычерпать все его богатое содержание, добрая доля которого так и осталась в голове нашего знаменитого академика. Тем не менее частично он пытался осуществить некоторые из высказанных здесь соображений через Академию.

Так, 15 июля 1759 года он вошел в Академию с представлением об издании при Академии Наук Внутренних Российских Ведомостей со сведениями об урожае, ввозе и вывозе товаров и т. п. Сведения об этих предметах должны присылаться с мест. Академия, правда, в этом направлении ничего не сделала, но через пять лет в Академической Типографии Камер-Коллегия стала печатать для пользы купечества «листочки о ценах товаров, называемые прейс-куранты».[1]

Сколько мыслей рождалось у Ломоносова по хозяйственным сюжетам, видно, между прочим, и из его письма к Шувалову от 1 ноября 1761 г., где он перечисляет темы, над которыми размышлял: «1. о размножении и сохранении российского народа, 2. об истреблении праздности, 3. об исправлении нравов и большем просвещении народа, 4. об исправлении земледелия, 5. об исправлении и размножении ремесленных дел и художеств, 6. о лучших пользах купечества, 7. о лучшей государственной экономии». По другой записке Ломоносова мы имеем возможность продлить этот перечень: 8. «об умножении внутреннего изобилия (т.-е., о торговле)», 9. «о купечестве, особливо с внешними народами», 10. «о лесах», 11. «экономическая география», 12. «экономическая ландкарта» и еще несколько рассуждений с заголовками, не очень ясными в роде «экономических игр» или «праздность показать по местам и персонам» и др. Эти отдельные opus'ы характеризовались самим Ломоносовым, как «простирающиеся к приращению общественной пользы». Я думаю, что теперь вполне понятным покажется, почему Ломоносов не мог отделить своих начинаний по географии России от экономического ее познания. Для него это были почти синонимы.

Став заведующим Географическом Департаментом Академии, Ломоносов предложил анкетный метод собирания материалов и наметил 13 пунктов, которые после обсуждения в Историческом собрании и Географическом Департаменте выросли до 30. Как это всегда бывало в академических собраниях, где присутствовал Ломоносов, дело не обошлось без жарких споров. Академик Миллер предлагал несколько расширить постановку вопросов, но большинство и с ним Ломоносов признали его дополнения ненужными и неисполнимыми. Что из этого вышло, показано ниже.

Большинство из принятых собранием вопросов имеет безусловно хозяйственный интерес. Я вкратце укажу на эти пункты.

1. Город. Состояние его укреплений в настоящий момент. 2. Много ли приходов внутри и за городом. Каменные и деревянные строения казенные и частные. 4. Когда бывают в городе ярмарки. 8. Тот же вопрос для уезда. 5 и 6. Чем занимается население? 10. Солеварение. 12. Рыбный промысел. 7. Наличность заводов и фабрик в городе и уезде. 9. Наличность водяных хлебных и пильных мельниц. 11, 15 и 17. Реки с точки зрения из судоходства.

---

[1] П. С. З., т. XV, № 12.009.

Суда, их нагрузка и направление плавания. Пристани. 18. Пути сообщения сухопутные, направление дорог, расстояние между отдельными пунктами. 19. Характер местности. 21. Земледелие и сбыт сельских продуктов. 23. Скотоводство. Сбыт скота. 30. Этнографический состав населения (Воеводские канцелярии часто сообщают здесь сведения и о социальном составе своего уезда).

Ломоносов предполагал, что для заполнения этой анкеты должны быть использованы горожане и лучшие крестьяне, но мы знаем официально только то, что Сенат направил эти вопросы в воеводские канцелярии, которые, надо думать, были свободны в выборе средств наиболее точного заполнения пунктов. Предполагал Ломоносов также собрать статистические сведения и о селах, для чего считал удобным использовать офицеров, посланных для производства второй ревизии, но этот проект не осуществился.[1]

В процессе работы по собиранию анкетного материала (тянулась до 10 лет) произошел очень интересный эпизод, любопытный столько же для истории академических нравов, сколько и для моих специальных целей. Кто-то из академических сослуживцев Ломоносова, может быть, Миллер или Тауберт, как думал сам Ломоносов, пожелал отстранить Ломоносова от работы по составлению атласа и самим стать на его место. Как бы то ни было, 14 июля 1763 года, т.-е., $2^1/_2$ года спустя после начала всего предприятия, Академия Наук слушала сообщение, подписанное Тепловым, будто бы Е. И. В-ство соизволила указать немедленно составить новые карты и «к сочинению оных собрать новые и самые последние известия». Работа поручается Тауберту и Миллеру, тому самому, с которым у Ломоносова на почве работ по географии не прекращалась ожесточенная борьба. Общее наблюдение — Теплову, а «понеже сие дело весьма нужно и требует скорого исполнения, то... оставить на сие время все другие дела». Ломоносов комментировал эту записку очень вразумительно: «краткое содержание сего указа есть: в Географическом Департаменте оставить дело Российского атласа затем, чтобы делать Российский атлас». Вся затея, по мнению Ломоносова, сводится к тому, чтобы «оттереть» его, Ломоносова, и заменить Тепловым и Таубертом. Средство было придумано сильное, что и подкупило, надо полагать, императрицу. Суть все-таки в том, что предполагался несколько иной атлас, чем Ломоносовский. Предполагался специальный атлас «продуктов Российских», назначенных для пользы торгующих и собирающихся торговать. Этот атлас должен был служить справочником о движении отдельных товаров. На каждый продукт должна быть отдельная карта — хлебная, пенечная, льняная, табачная и проч.[2] Тут же предполагалось отмечать и качество продуктов. Такие же карты считались необходимыми для руд, фабрик, заводов и всего того, «чем Российское государство избыточествует». Каждый год все изменения в движении продуктов должны наноситься на карты.

---

[1] «Мнение об употреблении нынешние ревизии в пользу географии Российской». Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1856 г., ч. I.

[2] Ломоносов по этому поводу замечает: «следовательно, должна быть карта чесночная, лапотная, рогожная, мыльная, хомутная и др... И сколь приятно смотреть на ту же карту с разницей в надписях «конопляное масло, сальные свечи, смольчуг».

Предполагалось этих карт три тома с общим азбучным указателем. Ломоносов заметил на это: «ни самому, мню, миру вместити пишемых книг. Аминь».

Ясно, что Ломоносов этому новому предприятию не мог сочувствовать. В специальном доношении Сенату он высказал совершенно определенно и официально свою точку зрения на предмет, результатом чего была отмена распоряжения. Вместо нового атласа Ломоносов решил составить экономический лексикон российских продуктов с показанием внутреннего и внешнего оных сообщения. В целях осуществления лексикона он 11 августа 1763 г. обратился в Сенат за содействием. Необходимо было побудить воеводские канцелярии скорее присылать ответы на анкету, запросить соответствующие коллегии о запасах и товарах, об их происхождении и качестве, о товарах, отпускаемых из России за границу, и о путях их движения, о списках всех заводов и фабрик с указанием места нахождения и специальности. Лексикон должен был заключать в алфавитном порядке перечень всех товаров с указанием мест, где каждый продукт добывается или производится, в каком количестве и какого качества, имеет ли местное употребление, и если вывозится, то куда, каким путем и по какой цене продается. Против каждого места в лексиконе для удобства справок по прилагаемой карте должны быть указаны градусы и минуты долготы и широты. По течению судоходных рек на карте предполагались значки плавающих судов — лодка, барка, струг и т. д. и особые обозначения пристаней, мостов, пошлинных застав и пр. Этот лексикон составлен не был, но работа по собиранию материалов продолжалась в течение 10 лет.

Параллельно с этим академическим предприятием велась другая работа в том же направлении Кадетским Шляхетным Корпусом. Я не имел пока возможности выяснить детально, как произошло, что одно в сущности предприятие попало в руки разных лиц и разных учреждений, хотя шаги в этом направлении мною уже приняты.

В основных чертах дело представляется так. Ломоносов и Миллер столкнулись в Географическом Департаменте. Когда Ломоносов «взял всю дирекцию в свои руки», Миллер обиделся, перестал ходить в Департамент, даже заявил, что он до него «не имеет дела», и стал всякими способами осложнять работу в Департаменте и препятствовать выходу в свет географических карт. Ломоносов 18 октября 1759 года жаловался на Миллера президенту и, между прочим, предлагал, «чтобы... от господина профессора Миллера не было остановки, можно уволить его от Географического Департамента» на том основании, что он в математике не искусен, не очень хорошо знает русский язык, и сам либо «к сему труду больше охоты не имеет», либо, «может быть, другими делами занят».[2] Миллер на это обвинение объяснял президенту, что Ломоносов его, Миллера, ни о чем не спрашивает, чего ради он действительно теперь в Географический Департамент стал ходить реже прежнего, и просит ввиду

---

[1] Тихомиров, О трудах Ломоносова по статистике России. Ж. М. Н. Пр. 1915, Февраль.

[2] Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, стр. 397

обременения другими делами от хождения в Географический Департамент его «вовсе уволить». Подать же свое мнение о готовящихся картах он не отказывается.[1] В чем тут дело, совершенно ясно. Миллер не потерял вкуса к российской географии, но, не будучи в состоянии ужиться с Ломоносовым, избрал Шляхетный Кадетский Корпус своим плацдармом для продолжения войны с противником. Миллеровская анкета шла от имени Корпуса. Ломоносов понял, в чем тут дело, и в начале 1763 года говорил: «сие, конечно, учинилось внушением господина Миллера, ибо кроме других свидетельств видно сие по кадетским запросным пунктам, где вмещены Миллеровы пункты, кои из академических для излишества и невозможного исполнения выключены». Тут же Ломоносов прибавил, что «сие несколько сделало замешательство»[2] в работе Департамента, «а господин Миллер от Географического Департамента отстал и в собрания больше не ходит, употребляя неосновательные выгородки». Итак, работа потекла по двум направлениям. Миллер в основу своей работы положил тот же анкетный метод и взял те же 30 пунктов, но только в своей собственной редакции. Нужно отдать справедливость, что пункты Миллера обстоятельнее академических и не утопичны в смысле их выполнения. 14 из 19 Миллеровских дополнений привожу с незначительными пропусками. Пять к познанию русского хозяйства отношения не имеют.

К какому вопросу	О чем трактует данный вопрос	Дополнения Миллера
1	О городе и его укреплениях.	«В котором году и от кого и для чего построен, сколько как в нем самом, так и в уезде душ муж. п....?»
4	О городских ярмарках.	«Каково купечество?».
6	О народных занятиях (ремеслах).	«В чем (народ) имеет довольство, в чем недостаток, как оной недостаток награждается?».
7	О фабриках и заводах.	«Что на тех заводах и фабриках приуготовляется, давно ли заведены оные и кем и кому принадлежат?».
8	О сельской торговле.	«Чем больше торгуют, в какое время, и откуда купцы съезжаются?».
10	Об усольях.	«Каков где россол, во сколько времени соль из него вываривается, и как велика положена вываркa?».
11	О судах речных.	«С чем, куда и откуда ходят?».
13	О судоходных реках.	«Где те реки имеют вершины и куда впадают, через какое протекают расстояние и какими местами?».

[1] Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, стр. 401.

[2] Ibid., стр. 582.

К какому вопросу	О чем трактует данный вопрос	Дополнения Миллера
14	О препятствиях судоходству по рекам.	«...где есть пороги, какие именно и велики-ли, какое дно и какие берега у той реки, песчаные или каменистые или иловатые, и есть ли бечевник, на которой стороне, по течению вниз считая?».
16	О времени замерзания и вскрытия рек и об их разливах.	«Быстрое или тихое течение река имеет?».
20	О горах.	«Степные более места или лесистые, и какого лесу ростет больше, когда начинают расцветать дерева, когда опадает лист с которого дерева?».
21	О земледелии.	«За употреблением обывателей остающийся хлеб куды в каком множестве, откуда имянно, каким путем и в какое время на продажу возят. Нет ли где чудных растений, пещер или иных каких особливых произведений натуры. Нет ли воды, трав или колодезей лекарственных?».
23	О скотоводстве и местной фауне.	«Какого где скота более содержат, не гоняют ли оной куда на продажу, о которую пору и в каком количестве..., каких по лесам зверей и птиц более водится...?»
26	О развалинах старых городов и городищах.	«Нет ли о таковых древностях по преданию дошедших каких известий?».

С этими дополнениями Миллер направил свою анкету по тому же самому пути, по которому 11 месяцев перед этим отправились академические пункты,[1] т.-е., через Сенат в воеводские канцелярии. Последние отвечали на оба запроса почти одинаково, прибавляя только к кадетскому запросу несколько новых сведений, согласно дополнительным требованиям Миллера. «Сколь приятно смотреть» на эти обе анкеты, рожденные в атмосфере вражды двух крупных представителей нашей науки, сейчас мирно лежащие рядом. Они ожидают своей научной обработки, не сделанной ни их инициаторами, ни последующими поколениями ученых.

Перехожу к третьей хозяйственной анкете, проделанной в то же время, но по особому плану и особым побуждениям. Имею в виду Сенатскую анкету о причинах дорожания в России хлеба. Это предприятие Сената имеет свою предварительную историю.

28 марта 1762 года Петром III издан указ, в общем направленный к тому, чтобы увеличить выпуск русских товаров за границу и тем поднять нарушенный торговый баланс. В этом указе интересно все, но я беру из него только то, что имеет непосредственное отношение к изучаемому мною вопросу. Указ

[1] Академическая анкета разослана в январе 1760 года, а Кадетская в декабре того же года.

отмечает в качестве одной из причин нарушения торгового баланса — увеличение роскоши. По этому поводу указ замечает, что борьба с роскошью недостаточна для приведения баланса в равновесие: «главное дело не в том состоит, что излишние токмо расходы пересекать, ибо кто имеет мало или ничего, тот их и без того не делает, но государственная экономия того требует, чтобы всякий промысел и ремесло сделать прибыточным, следовательно, чтоб каждый сверх необходимо нужного имел еще нечто и излишнее. Коммерция больше всего тому поспешествовать может». Широкими мазками обрисованы далее торговые возможности России, тут учтена и Америка, и Индия, и Африка, куда есть дорога, «хотя еще и не отворенная». Откладывая до будущего времени распоряжения по вопросам, требующим долгих обсуждений и приуготовлений, указ предписывает Сенату только такие пункты, «коих основательство само собою ощутительно», и которые откладывать вредно. На первом месте стоит здесь вопрос о хлебной торговле. «Империя наша по благости Божией толико изобилует хлебородием, что избытками своими могла бы питать великую часть прочего света. Ничто столько не доказывает эту истину, как сие, что несмотря на то, что превеликое число хлеба искуривается на вино, во многих еще провинциях, и при великих реках лежащих, хлеб остается в такой низкой цене, что крестьянин при всем урожае оного едва столько намолотить успеет, сколько на заплату его податей потребно, и что в тех самых местах, где лучше хлеб родится, наиболее пустых мест видимо». Попытка поднять цены на хлеб приказом о снабжении русским хлебом армии, находящейся за границей, не дала результатов: «в известных хлебородных местах цена хлебу нимало не возвысилась», обнаружилось только, что хлебом стали торговать такие места, «о которых до того времени и думано не было, чтоб тамо для собственного пропитания жителей довольно хлеба родилось» (напр., Олонец). «А сие и служит новым и неоспоримым доказательством, что государство наше может превеликий хлебом торг производить, и что тем самым и хлебопашество поощрено будет. Сего ради повелеваем хлебный торг сделать отныне от всех портов, не исключая и на Каспийском и Черном море лежащие, невозбранным...».[1]

После дворцового переворота, устранившего с престола автора этого указа, осенью того же года уже Екатерина II получила от Прибалтийского края подтверждение тех же положений. Дело в том, что Прибалтийским генерал-губернаторам, их товарищам, магистратам, духовенству, шляхетству и купечеству предложено было обсудить вопрос, «каким наилучшим образом впредь выпуск хлеба от тамошних портов за море чинить», каждый ли год или через несколько лет, чтобы избежать недостатка в хлебе на месте. Ответ получился самый определенный: «запрещение вывоза хлеба ни по какой причине полезно, но паче всегда вредительно бывает». Это положение было всесторонне развито и снабжено всякими доказательствами. Последовала резолюция: «Быть по сему, а о выпуске хлеба из Российских портов стараться сделать учреждение на всегдашние времена, согласуя сему о Лифляндии постановлению».[2] Тем не менее

[1] П. С. З., т. XV, № 11489.
[2] П. С. З., т. XV. № 11785.

правительство действовало в этом направлении не без робости и колебаний. 23 сентября 1764 г. издается, например, указ об ограничении вывоза хлеба из Нарвы и Архангельска. Тут же рекомендуется губернаторам, чтобы «они делали свои примечания и не допускали никого своими советами и напоминаниями до истощения в хлебе». Они должны через каждые три года разъезжать по губернии, «печься о земледелии, как о источнике всех сокровищ и богатств государственных» и об увеличении произведений, отпускаемых за море вообще. О своих наблюдениях губернаторы должны доносить в Сенат.[1] И позднее встречаются подобные напоминания, говорящие о нервности правительства в этом вопросе. Итак, с 1762 года обнаруживается поворот в экономической политике в сторону свободных отношений. В это время у Екатерины II должны были созревать мысли, высказанные позднее в Наказе, о торговле, которая удаляется оттуда, где ей делают притеснения, о дешевизне товаров, рождающейся от вольного умножения товара и великого числа продавцов, и тому подобные сентенции, ставшие скоро банальными.

Останавливаюсь на этих деталях потому, что между этими указами и Сенатской анкетой имеется самая непосредственная внутренняя связь.

Разрешив свободу торговли хлебом и поручив губернаторам наблюдать за последствиями этого разрешения, власть сама не переставала наблюдать и делать свои выводы. В 1766 году Комиссия о коммерции в целях увеличения производства пшеницы считала единственным средством повышение на нее цен, для чего рекомендовала расширение вывоза пшеницы за границу. Она исходила из положения, что пшеницы в России сеется слишком мало,[2] что эта отрасль хозяйства требует особливого поощрения, которое «не иным чем в действие произвесть можно, как доставлением прибыточной за оную цены земледельцам». По предложению Комиссии последовало повеление о выпуске в течение шести лет пшеницы беспошлинно из всех портов, исключая порты, лежащие в Лифляндии, Эстляндии и Финляндии, которые велено было оставить на их прежних правах и привилегиях. (Привилегии касались пошлин, часть коих шла на содержание этих городов). Подвоз к портам в любом количестве разрешен отовсюду независимо от состояния цен пшеницы на местах. Кроме Архангельска, изо всех портов разрешается вывозить за границу любое количество пшеницы.[3]

Стало быть, секрет роста цен на хлеб теоретически представлялся совершенно разгаданным. Однако ровно через пять лет после опубликования закона 1762 года о свободной торговле хлебом власть решила проверить поставленный опыт. В 1762 году Петр III жаловался на низкие хлебные цены и желал их увеличения, в 1767 году Екатерина начинает страшиться больших цен на хлеб и желает знать их причину. Записка Екатерины II в Сенат прямо указывает

---

[1] П. С. З., т. XVI, № 12.247.

[2] Сенн. Арх., Именные указы 1766 г., лл. 2-2 об.

[3] Сен. Арх., указ Сенату от 3 апреля 1766 года.

на 1762 год, с которого стала подниматься цена на хлеб. «Сия дороговизна по большей части по сих пор приписывалась недороду хлеба, которого Е. И. В-ом не усмотрено на 2.300 верстах, кои Е. В. нынешнею весною объехала;[1] а напротив того во многих местах запасено хлеба не только на год, но и на два и на три», не примечено также никаких намеков на недород и в «нынешнем 1767 году». Ввиду того, что «поныне прямая причина или причины дороговизны хлеба от правительства сокрыты», Сенату поручается «наиприлежнейшим образом войтить во испытание и узнание сей дороговизны причин,[2] к чему способом быть может следующее: чтобы послать ко всем губернаторам и каждому воеводе особо секретные указы с приказанием, чтобы прислали по чистой совести и под присягою свое мнение, отчего дороговизна в хлебе сделалась чувствительною, и как она от 1762 года год от года возрастала до получения оного указа, прописав им следующие примерные вопросы». Далее следует 14 вопросов, которые я привожу ниже уже с теми редакционными добавлениями, которые сделал Сенат по предложению императрицы. При собирании сведений для заполнения анкеты рекомендовалось государыней избегать каких бы то ни было посредников и письменных сношений, а «осведомляться разговором и взглядом». В расшифровке Сената этот метод заключался в том, что воеводам и губернаторам «напкрепчайше рекомендуется не токмо никаких о том никуда... указов не посылать, також и никаких посылок не делать, дабы через то напрасно смущения в людях не произвести, но паче, храня у себя сей указ в непроницаемой тайности, стараться по всем вышеизображенным пунктам в прибавок к собственному своему знанию и от других обстоятельно и верно наведаться, но не инако ж, как только ласковыми и дружественными разговорами, рассуждениями и примечаниями...».

Не в пример Академической и Кадетской анкетам, исполнение коих затянулось чуть ли не на десять лет, при чем не все ответы были получены и по истечении этого срока, на требование Сената губернаторы и воеводы откликнулись быстро, и 19 октября 1767 года, т.-е., через три месяца после рассылки запросных листов, Правительствующий Сенат в присутствии императрицы уже слушал экстракт, учиненный из полученных ответов. Заслушивались здесь также и некоторые рапорты, т.-е., ответы в оригинале. В присутствии императрицы происходило только слушание, затем Е. И. В., вероятно, с тем, чтобы не стеснять прений, «из собрания отбыть соизволила, препоруча Сенату иметь о том надлежащее рассуждение». Первым вопросом поставлен был: «какая цена на хлеб для государства полезнее и выгоднее, т.-е., низкая, посредственная или высокая». Рассуждения на эту тему в протоколе вылились в следующие итоги: 1. «Низкость цен на хлеб не может почтена быть знаком богатства и силы государства». 2. Хлебная цена полезнее та, которая вознаграждает земледельца

---

[1] Разумеется путешествие в Казанское царство.

[2] Правительство испытывало бюджетные затруднения. Старые подрядчики на поставку вина отказались держать на откупу вино на старых условиях. Никто не хотел их заменить и т. п. Секр. дела Сената (№ 1293).

3. Цена хлебу установляет в государстве цены и всем прочим вещам, трудам и рукоделиям, т.-е., получается равновесие «без тягости народной». 4. Успехи земледелия связаны прямой пропорциональностью с ценами на хлеб. Отсюда вывод — «не возвышения цен на хлеб опасаться должно, но только недостатка в оном». Далее Сенат нашел, что «во всяком протчем хлебе, кроме ржи, вредительного недорода вообще в прошлых годах не было», и в будущем году «гораздо лучшей жатвы и большего хлебородия ожидать можно». Но чтобы разрешить вопрос о высокой цене на рожь, каковая «надмеренно дорогая» цена государству в тягость, то Сенат, исходя из положения, что «хлебные, цены гораздо медленнее упадают, нежели возрастают», и что, с другой стороны «в держании высоких цен многих людей, промышляющих хлебом, состоит корысть», вследствие чего они будут препятствовать их снижению, рекомендует на государственные нужды собирать с государственных крестьян хлеб натурой по средней цене, выведенной из цен за последнее десятилетие. Другими словами, Сенат признал полезность высоких цен для производителя хлеба, а для крупнейшего потребителя-государства придумал специальное обходное средство.

Вот те вопросы о причинах дорожания хлеба, над которыми должны были размышлять губернаторы и воеводы:

1. Потому ли, что в уезде недород?

2. Или оттого, что убыло хлебопашцев, и отчего сия убыль произошла?

3. Или что умножилось людей в уезде?

4. Или оттого, что земли впусте лежат не распаханы, хотя люди и есть, и отчего оные запущены?

5. Экономические или прежде бывшие монастырские крестьяне не оставили ль пашни с тех пор, как положены на оброк, и для чего?

6. Не оттого ли недород, что худо пашут или худо одобряют землю?

7. Не было ли больше прежних лет скотского падежа, и нет ли оттого оскудения в навозе ко удобрению земель?

8. Нет ли скупщиков, кои, иногда скупая хлеб, хоронят, ожидая дороговизны?

9. Равно ли повышаются цены на всякой род хлеба или только на некоторые?

10. Не умножилось ли против прежнего винокурение, а особливо иногда потому, что дворянство, пользуяся вольностию службы, живет больше по своим деревням?

11. Или нет ли иной причины к возвышению цен на хлеб, и какова бы та или те причины ни были, всякой губернатор и воевода может чистосердечно, не опасаясь ничего, представить свое мнение, как ему что-либо о том известно?

12. Показать же и то, чему дороговизны причины приписывают купцы?

13. Какая причина дороговизны по мнению дворян?

14. И наконец, которой причине он сам губернатор и воевода приписывает дороговизну?

Эти вопросы, даженезависимо от ответов на них, интересны сами по себе. Их постановка, конечно, отражает направление мыслей их авторов, т.-е., Екатерины II, а затем и Сената. Здесь мы видим перечень возможных причин вздорожания хлеба, как представлялись они хорошо знакомым с делом современникам.

Вопросы эти можно разбить на три группы: 1. Вопросы, касающиеся причин общеэкономического характера. 2. Вопросы о влиянии отдельных мероприятий правительства. 3. Вопросы о мнениях отдельных классов общества.

Первая группа вопросов предполагает возможными следующие причины дороговизны:

1) недород; 2) уменьшенье производства (вследствие ли ухода от земли земледельцев или по другим причинам); 3) увеличение числа потребителей, т.-е., спроса; 4) отсталость техники; 5) злостная спекуляция.

Вторая группа: 1) освобождение церковных крестьян и предоставление им свободного выбора занятий; 2) предоставление возможности дворянству жить в деревнях и, между прочим, курить беспошлинно вино.

Третья группа имеет целью выяснить мнения: 1) дворянства, 2) купечества и 3) представителей власти.

Таково происхождение анкет и содержание вопросов. Теперь естественно возникает вопрос, насколько весь в совокупности этот анкетный материал в качестве источника доброкачествен, в какой мере можно им пользоваться для научных построений, какие методы необходимо применить к их обработке. Вопросы не новые. Когда в конце 60-х годов XVIII века инспектор гимназии Академии Наук Людовик Бакмейстер приступал к частичному изданию географических анкет Академической и Кадетской, то у него возникали сомнения. Он спрашивает, можно ли требовать, «чтобы канцелярии были географы (анкеты заполнялись именно воеводскими канцеляриями), и есть ли их известия несправедливы, то... Академия не должна издавать в печать ничего такого, о истине которого неподлинно уверена». На это законное сомнение он пробует ответить, что-де вопросы, предложенные канцеляриям, весьма просты, и отвечать на них без ошибок очень легко. Каменные ли у городских обывателей домы или деревянные, есть ли где фабрики, судовые ходы, как называются села, на больших дорогах лежащие, реки, чрез которые переезжают, какого там роду ловится рыба и проч. Бакмейстер считал все эти вопросы «такого свойства, что не можно в ответах на оные сделать многих погрешностей». А затем Бакмейстер заключает свое методологическое рассуждение таким здравым соображением: «если ничего не печатать такого, истина которого не довольно достоверна, есть оставить навсегда Российскую географию: в сочинениях сего рода некоторые погрешности с начала суть неизбежны». Может быть, по этим основаниям Бакмейстер уклонился от научной обработки своего материала, а решил ограничиться отдельными выдержками из документов, «ничего в оных не защищая» и давая возможность читателю судить все и ценить самому.[1]

[1] Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской Империи. Тома первого часть первая. СПб. 1771. Предисловие § 17.

В более трудном положении находится тот, кто задумается над анкетой Правительствующего Сената. Если Бакмейстер мог в укрепление своей позиции ссылаться на простоту вопросов, обращенных к воеводским канцеляриям, то в данном случае этого успокаивающего обстоятельства у нас нет. Можно ли требовать, чтобы губернаторы и воеводы (анкета обращается к ним лично, а не к канцеляриям) были хорошими статистиками и экономистами? Если в некоторой степени названные должностные лица могли обладать и действительно обладали статистическим материалом, необходимым для заполнения анкет, то требовать от них специальной научной экономической подготовки, конечно, нет никакого основания. Каждый из губернаторов и воевод, поставленный в необходимость дать ответ на предъявленные ему вопросы, принужден был часто действовать по своему усмотрению, полагаясь на свое собственное понимание сложнейших явлений общественной жизни, исчерпывающее объяснение которым едва ли мы сможем дать и сейчас. Дело в том, что географические анкеты требовали только фактов и больше ничего, хотя и факты известного порядка констатировать не всегда легко. Сенатская же анкета требует объяснения причин определенных явлений, при чем свое требование облекает в форму подсказывающих вопросов, которые, как мне придется показать ниже, часто даже смущали и наводили на ложный путь отвечающего. Правда, отвечающему давался пунктами 11 и 14 анкеты некоторый простор для проявления инициативы. Но эта апелляция к чистосердечию и обещание губернаторам и воеводам полной терпимости ко всякого рода их сообщениям могли только насторожить их еще больше и сделать ответы их в смысле точности и объективности еще менее ценными. И действительно, некоторые воеводы в своих ответах сбивались на стиль городничего, которому Хлестаков жаловался на дурной обед в гостинице. В голосе воеводы не раз слышалось: «я не виноват: на рынке у меня говядина всегда хорошая». Итак, от воеводы требовалось гражданское мужество и острый ум, способный проникать в дебри труднейших общественных вопросов. Само собой разумеется, что, не заглядывая в ответы, мы можем теперь же сказать, что в полной мере не найдем указанных добродетелей ни у губернаторов, ни у воевод, но зато найдем другое, не менее для нас ценное, это субъективный голос с мест, пересыпанный множеством разнообразного калибра фактов, которые мы в данный момент имеем возможность проверить, между прочим, хотя бы через сопоставление известных нам трех анкет, хронологически совпадающих. При этих условиях мы получаем уверенность, что владеем действительно доброкачественными фактами из области экономических и общественных отношений середины XVIII века.

Попробуем теперь разобраться в этих источниках.

I.

Воронежская (б. Азовская) губерния.

К 1766 году Воронежская губерния складывалась из четырех провинций — Воронежской, Елецкой, Тамбовской и Шацкой. Пятая провинция Бахмутская в 1764 г. отошла к вновь учрежденной Новороссийской губернии.

В Воронежской провинции считалось 20 городов (из них 14 с уездами), в Елецкой — 8 (с уездами 6), в Шацкой — 9 (с уездами 8) и в Тамбовской — 7 (с уездами 6).

Имеющиеся в моем распоряжении три анкеты не равномерно касаются всех уездов губернии. Следующая таблица может показать положение дела в этом отношении:

Воронежская провинция.

Воронеж	Представлены тремя анкетами
Коротояк	
Романов и Белоколодск	
Землянск	Кадетской и Академической
Ольшанск	
Верхососенск	
Борисоглебск	
Демшинск	
Костенск	
Усерд	
Усмань	Сенатской и Академической
Хоперск	Академической
Сокольск	
Орлов	Кадетской
Острогожск	Сенатской

Тамбовская провинция.

Инсар	Тремя
Ряжск	
Верхоломов	
Нижний Ломов	Сенатской и Академической
Тамбов	Сенатской
Козлов	
Добрый	Академической

Елецкая провинция.

Елец	Тремя
Донков	
Лебедянь	
Ливны	Сенатской и Академической
Ефремов	
Чернавск	Академической
Скопин	

Шацкая провинция.

Кадом Темников Керенск	Тремя
Шацк Троицк Касимов Елатьма	Сенатской и Академической
Наровчат	Академической

Т.-е., тремя анкетами представлено 13 уездов, двумя — 15: Сенатской и Академической 8, Академической и Кадетской 7; одной — 10: Академической 6, Сенатской 3, Кадетской 1, итого 38 уездов из всех 44, т.-е., 86,4%.

Наибольшая группа городов, 73,7%, представлена Сенатской и еще одной либо двумя другими, и это обстоятельство для нас очень важно в том отношении, что таким образом почти три четверти уездов Воронежской губернии представлены, во-1-х, полнее, во-2-х, материалом более надежным, так как данные анкет при наличии Сенатской могут быть друг другом проверены и дополнены, что чрезвычайно ценно ввиду разнохарактерности этих анкет как по своим целям, так и по методу их исполнения.

Сенатская анкета, как уже было выше сказано, желает знать причины, другие анкеты — факты. Постановка вопросов в анкетах даже тогда, когда речь идет только о констатировании голого факта, вещь ответственная, если же вопрос идет о выяснении причины, то и опасная. На эту опасность в полной мере были брошены воеводы по вине Сената и, нужно сознаться, что многие из них сделались ее жертвой. В таких случаях бывает очень важно поспешить на помощь очутившемуся в затруднительном положении воеводе с материалом о тех же сюжетах, но иного происхождения. Взять хотя бы первый вопрос Сенатской анкеты о причинах дорожания хлеба: «потому ли что в уезде недород». Теоретически тут могло возникнуть несколько положений: 1) в уезде не было вовсе недорода, 2) был и явился причиной дороговизны, 3) был, но не являлся причиной дороговизны.

Но отвечать на этот вопрос труднее, чем о нем размышлять. Факт дорожания хлеба был налицо, причин тому могло быть несколько, в том числе и недород, который не всегда легко определяется: только в редких случаях можно точно говорить: урожай хороший или урожай скверный. Гораздо чаще при урожае балла в $2^1/_2$ по пятибальной системе истолковать его можно в любую сторону, в зависимости от общей тенденции автора. В этих случаях исследователь попадает еще в одно затруднительное положение: при отсутствии объективного мерила степени урожая трудно расценивать словесное его определение, потому что тамбовский обыватель несомненно называл плохим тот урожай, который олончанину показался бы хорошим. Нужно сказать, что чаще всего воеводы на этот вопрос точно и не отвечают, а занимаются рассуждениями на тему, был ли у них недород или нет, и если был, то

почему и в чем выражался. Этот первый вопрос о недороде я считаю необходимым рассмотреть в первую очередь и применительно ко всей губернии, потому что от того или иного вывода о неурожае может механически решаться и вопрос о ценах на хлеб: если голод в стране, то хлеб в частной торговле дешевым быть не может. Выделяю также и другой вопрос о движении цифры хлебопашцев, так как эти цифры сами по себе очень симптоматичны: число земледельцев может увеличиваться и уменьшаться или в связи с изменением цифры населения вообще, или же в результате перестройки общественных отношений, появления новых условий в общественном разделении труда. Освещение всей губернии под этим углом зрения имеет исключительную важность.

Ответы в Сенатской анкете на первый вопрос о недороде представляются в следующем виде: 1. Несомненный недород показан в 1 уезде (Инсара). 2. Не было недорода или был хороший урожай в 15 уездах (Воронеж, Коротояк, Усмань, Острогожск, Романов и Белоколодск, Елец, Ливны, Лебедянь, Донков, Ефремов, Шацк, Троицк, Темников, Верхоломов). 3. Если недород и был, то небольшой в 8 уездах (Тамбов, Козлов, Нижнеломов, Ряжск, Керенск, Кадом, Елатьма и Касимов). Многое здесь требует комментариев.

Дело в том, что сама Екатерина в недороде усумнилась, Сенат ей не возражал. Самая идея узнать подлинную причину дороговизны родилась потому, что недородом объяснить ее, повидимому, нельзя было. Все эти соображения требуют к этому пункту весьма осмотрительного отношения. Единственный неблагополучный в смысле урожая уезд Инсарский Тамбовской провинции, по сообщению воеводы, пострадал от того, что червь поедал зерно в земле. Отсюда недород. Население обратилось к яровому хлебу, который от этого естественно поднялся в цене. Весной 1767 года «примечено было, пишет воевода, что многие обыватели покупали лебеду для употребления себе в пищу». Хотя это явление и не могло принять большие и затяжные размеры, при удовлетворительном урожае в смежных уездах (Троицкий, Нижнеломовский), тем не менее оно само по себе дает основание для вывода о действительном неурожае в уезде. Вторая категория уездов ясна без всяких комментариев. Третья — требует внимательного обследования. При отсутствии точного критерия воеводы часто говорят об этом предмете очень неопределенно: посредственным они называют то урожай, то недород, т.-е., сами колеблются и, может быть, уступают только назойливому вопросу, который требует, чтобы о недороде заговорили во что бы то ни стало. Восемь уездов, отмеченных знаком недорода, падают на провинции Тамбовскую и Шацкую. Тамбовский воевода заявил, что только в последние два года урожай в его уезде «посредственный», рожь родилась хуже прежних лет и не умолотная, но, по мнению воеводы, не в этом главная причина дороговизны. Строго говоря, Тамбовский уезд в смысле урожая благополучен. В соседнем Козловском уезде «недород посредственный», т.-е., ничего угрожающего. Нижнеломовский воевода считает, что «в уезде недород». Ряжский воевода указывает на большой недород «против минувших лет», но причины вздорожания хлеба в нем не видит, т.-е., и этот недород относителен. Вся Шацкая провинция, из состава которой в Сенатской анкете представлено

Фундаментальная
Библиотека
Общественных Наук
Академии Наук СССР

семь уездов, своим провинциальным воеводою охарактеризована в общем так, что в последние два года и только «местами» был недород, неспособный однако повлиять на хлебные цены. В п. 11, где дается возможность воеводе высказаться самому о причинах дороговизны, он ссылается на недород, но не в своей провинции, а «по другим многим местам». Воеводы Касимовский и Елатомский, Керенский и Кадомский, хотя и очень кратко и без всяких комментариев, но все же говорят о недороде в своих уездах. Последние два считают его и причиной дороговизны. Остальные уезды губернии в смысле урожая все благополучны. Таким образом, в итоге мы получаем, что настоящий неурожай был только в одном уезде, в четырех-пяти частичный недород. При таком положении дела недородом систематическое возвышение цен на хлеб объяснено быть не может.

Что касается второго вопроса Сенатской анкеты, не потому ли выросли цены, «что убыло хлебопашцев, и отчего сия убыль произошла», то для всей губернии прежде всего устанавливается факт общей прибыли населения. Можно с уверенностью предполагать, что на черноземе при этом условии убыли в хлебопашцах быть не должно. Следовательно, если мы сверх ожидания встретим в ответах некоторых воевод убыль хлебопашцев, то нужно будет, во-1-х, тщательно проверить данные показания, и затем, буде факт все-таки придется признать достоверным, постараться их объяснить: к этому обязывает чернозем. Действительно, воеводы показали убыль хлебопашцев в четырех уездах: Касимовском и Елатомском (Шацкой провинции), Ряжском (Тамбовской провинции) и Елецком. Оба последние уезда с прекрасной почвой, и потому убыль хлебопашцев при общей прибыли населения кажется здесь несколько странной. Необходимо точнее разобраться, в чем тут дело. Ряжский воевода о своем уезде заявил, что тамошние земли навозу не требуют: навоз положить, то хлеб устоять не может. Население уезда между второй и третьей ревизией прибыло. Академическая анкета прибавляет, что население ценит качество своей почвы, и «народ более упражняетца в земледелии, а окроме оного никакого ремесла не имеет» (6). «Обыватели более имеют промысел в продаже всяких родов хлеба и скота, а более никаких промыслов не имеют (5)». В Сенатской анкете еще читаем: «Земель пустых не оказывается, но многие как малопоместные дворяне, так и однодворцы приносят жалобу, что оных к хлебопашеству земель и недовольно, за что бывают с кровопролитием великие драки, а паче однодворцы от дворян обидимы, и однодворцы между собою за земли и луга чинят драки великие, и один другого обижают». Какое же тут уменьшение хлебопашцев? Казалось бы, что при наличии этих условий убыли в хлебопашцах здесь не должно быть. А между тем, на второй пункт Сенатской анкеты воевода отвечал, что «убыль (в хлебопашцах)... немалая имеетца, а куда люди выбыли, в канцелярии не видно». В недостаточной бдительности канцелярии воевода винит своих предшественников, на смену которых явился он совсем недавно: «почему они не чинили свидетельства и описи точной пустоты, о том ему неизвестно». Строго говоря, воеводе Василию Шевцову очень многое неизвестно и прежде всего то, о чем он сейчас говорит, именно об убыли хлебопашцев. Он эту убыль выводит

умозрительным путем: раз есть пустота, значит должна быть и убыль («потому та убыль оказалась, что... состоит большая пустота»). А на счет пустоты он в специальном п. 4 ясно говорит: «земель пустых не оказывается», а есть даже заметный недостаток в земле. Как будто воевода говорит о разных пустотах, потому что одного и того же предмета в одном и том же месте одновременно не может быть и не быть. Действительно, оказывается, что здесь разумеется пустота особая: после подания к третьей ревизии сказок выбыло из уезда в разные места помещиковых крестьян и людей и однодворцев 301 душа, вследствие чего образовалось несоответствие между сказкой и действительным числом тяглых душ, т.-е., обнаружилась недоимка по недосмотру канцелярии. Воевода, отмечая этот печальный факт, тут же в анкете обращается к Сенату с просьбой прислать пять команд, чтобы эту пустоту исключить, и «чтобы оная доимка на канцелярии напрасно не числилась». Вот эта пустота и беспокоит воеводу. Правда, воевода указывает и на уменьшение в посеве хлеба, но, повидимому, и здесь в основе лежит не столько действительное положение вещей, с которым вновь прибывший воевода, быть может, не успел и ознакомиться, как следует, сколько впечатление от массы кляузных дел, с которыми ему по должности пришлось столкнуться прежде всего. Воевода пишет, что «уменьшение в посеве хлеба, по тому как»... и дальше изображает батальную картину, способную произвести сильное впечатление на каждого: «благородное дворянство между собою с своими людьми, и крестьяне, и однодворцы, и экономические, ямщики, посадские, церковной причет чинят с кровопролитием ссоры, драки паче на землях пахотных, на сенокосах, в лесах и в протчих разных случаях, и притом всяк своею называет, и сильные у бедных во владение отбирают, и в тех ссорах большой непорядок и помешательство экономии: хлебы посеянные между собою лошадьми, скотом вытравливают, топчут, и от того происходит большой урон, почему оставляют летнюю работу, вступают в суды», т.-е., едут в город, где удерживает их и разоряет канцелярская волокита. В уезде много беглых, разбойников, воров, и «затем оставляетца работа и хлебопашество». При таких условиях логически неизбежно, конечно, «помешательство экономии». Но отвлеченная логика не всегда совпадает с жизнью. Во всяком случае на основании сбивчивых и противоречивых показаний воеводы относительно пустоты и его домыслов о неизбежности уменьшения пашни при воинственных наклонностях населения едва ли мы в праве считать вопрос о действительной убыли хлебопашцев доказанным. Ни факты Ломоносовской анкеты, ни общий хозяйственный облик уезда, представляемый несколько ниже, во всяком случае такого положения не подтверждают.

Второй уезд, вызывающий некоторое сомнение — Елецкий. Это тоже черноземный уезд, и здесь земля удобрения не требует, «всех чинов обыватели получают лутчее промышление от земледелия». Хлеб продают в Туле, Калуге, Москве, куда возят сами зимой, а на месте продают приезжим скупщикам. Эти объективные сведения, взятые из Академической анкеты, в данном случае очень полезны ввиду многоречивости и некоторой сумбурности данных воеводских ответов на Сенатские вопросы.

«Главного недорода в уезде не было», говорит воевода в Сенатской анкете, но все-таки хлеб хуже родился, чем бывало раньше. Землю «натура и без удобрения изрядной тучностью одарила». Местный земледелец «жадно» старается «к получению обильного по трудам своим плода», для чего пашенную свою землю всегда «умягчает». Если и случаются недочеты в этом отношении, то «разве по какому иногда незнанию лучшего к тому способа, которой у сопражняющихся ему еще не в употреблении» (6). Население в уезде умножилось. Как будто все обстоит весьма благополучно, тем не менее воевода отмечает в п. 2-м «убыль хлебопашцев». Тут же он дает длинное объяснение причин этому явлению. «Главная причина оскудения земледельцев и умаления хлебопашества от беспрерывно почти продолжающегося в тамошних местах скотского падежа», потому что приходится «дикие и от века непаханные земли... распахивать» не плугами на волах, что гораздо удобнее, а «конскими сохами», т.-е., лошадьми». Это замечание, оброненное вскользь, и тем более в смысле достоверности ценное, для данного случая очень важно. Стало быть, обычно здесь пашут плугами на волах и распахивают новые пространства земли, т.-е., земледелие скорее развивается. Как же быть с убылью в хлебопашцах? Воевода очень много говорит по этому поводу. Еще недавно при низких ценах на хлеб земледельцы не окупали своих расходов по производству хлеба, и потому помещики стали обучать своих дворовых и крестьян «разным рукоделиям, художествам и всяким нужным к обществу мастерствам», стали заводить «разного сорта домовние фабрики, почитая главным предметом к получению знатного от их работы и оброков себе прибытку, большую часть прежде находившихся в земледельстве людей к тому употребили» (не явное ли преувеличение?). Купцы (воевода пользуются казенной терминологией), «упражнявшиеся в земледельстве», экономические и казенных волостей крестьяне и «самые однодворцы, яко уже к тому хлебопашеству определенные, видя высокие прибыли своего же звания людей, живущих около больших городов и у больших торговых дорог и занимающихся разными промыслами, вступают в торги, промыслы, в ремесленники, в извозничества, нанимаясь в лавочные сидельцы, в целовальники, в поверенные, в стрянчие по присудственным местам, в канцелярские и партикулярные служители, а напоследок и в работники, яко в легчайшие к получению капитала средства и состояния», а земледелие оставили тем, «которые в том изобыкли или больше выгод имеют». Это было недавно, а сейчас 1) многие подмосковные помещики перевели сюда своих крестьян, на «свободные и тучные земли», для чего многие здесь и земли купили, каковой процесс и продолжается; 2) однодворцы тоже переселяются сюда и начинают заниматься земледелием; 3) приходит много сельскохозяйственных сезонных рабочих из подмосковных уездов и нанимаются здесь из $^1/_4$ или $^1/_5$ доли урожая на работу; 4) приезжает много людей для закупки хлеба.

Выходит так: в воспоминаниях воеводы не только крестьяне, но даже купцы и однодворцы сидели на земле и ее обрабатывали, потом они, ощутив несоответствие между затратами на производство и рыночными ценами на хлеб, стали бросать земледелие в погоне за приобретением капитала по примеру мно-

гих земледельцев, живущих около больших городов. На земле же остались те земледельцы, которые «больше выгод имеют». Относительно экономических крестьян воевода заметил, что они заразились погоней за «скорым получением капитала» и хлынули к разным занятиям, оставив земледелие тем, кто «при оном остаться захотел». Значит, уж не так безнадежно занятие земледелием, а с другой стороны, состояние извозчика или рабочего едва ли выгоднее крестьянства на черноземе. С поднятием цен на хлеб картина изменилась, и мы имеем все признаки прогрессирующего сельского хозяйства. Воевода, повидимому, отметил убыль хлебопашцев в том смысле, что часть населения, до недавнего времени спокойно сидевшая на земле, всполошилась, стала бросать землю и искать денег в других занятиях. Это похоже на правду. Но если бы в анкете был какой-либо пункт вроде «не компенсировалось как-нибудь земледелие в таких случаях», воевода, несомненно, должен был бы ответить утвердительно, потому что факты, приведенные им в пункте 3, к тому его обязывают. Итак, подлинной убыли хлебопашества нет, а есть перемещение труда и капитала, обычный спутник развивающихся капиталистических отношений. В каком направлении развивались эти отношения, показала дальнейшая эволюция уезда, который не переставал быть земледельческим вплоть до нашего времени. Воевода в средине XVIII века наблюдал нападение бодрых, сильных и жаждущих деятельности людей на старые, созданные другими условиями, формы жизни: крестьяне вступают в «непринадлежащие до них промыслы», «самовольно от промыслов отвергли учрежденных к тому по званию и по привилегиям людей, яко, например, купцов, ремесленников и тому подобных», «которые, от времени до времени приходя в упадок, в несостояние пришли». Стало анахронизмом и старое распределение земель: когда они не имели цены, ее раздавали прямо на глаз. Сейчас, когда времена переменились, появилось много желающих ее эксплоатировать, и стал острый и болезненный вопрос о передаче земель в другие руки. Крупные землевладельцы старого типа, «из единственной безрассудной зависти пользованию себя обширными владениями, яко не насыщающиеся в довольствии люди», не допускают до земли новых людей, откуда «неисчислимое множество» всяких столкновений, «бесчеловечных драк» и пр. Прекрасные иллюстрации этому положению мы имеем в записках Болотова. «И по всем описанным выше обстоятельствам, заключает воевода, как остающиеся за распашкою дикие, так и распаханные земли остаются без пользы общественной и интересной». Воеводе было ясно, что все объективные условия требовали перестройки этих отношений: слишком очевидны были создавшиеся противоречия. Болезнь эта, как показало будущее, оказалась не к смерти, а к жизни. И относительно убыли хлебопашцев в Елецком уезде я позволю себе высказать большое сомнение.

Итак, оба уезда Ряжский и Елецкий в отношении сельского хозяйства охарактеризованы своими начальниками в достаточной степени выразительно, но из фактов, сообщенных воеводами, мы в настоящее время имеем полное основание делать несколько иные выводы и во всяком случае не имеем оснований причислять эти уезды к тем, где земледелие падает.

Что же касается двух уездов Шацкой провинции Касимовского и Елатомского, то здесь дело обстояло иначе. Оба уезда лежат рядом в бассейне реки Оки. Почва Касимовского у. по правую сторону Оки легкая песчано-черноземная, на левой же стороне почва вообще песчаная с примесью большого или меньшего количества глины, отличающаяся своим бесплодием. В Елатомском у. «почва песчано-глинистая, довольно плодородная, но требующая тщательного удобрения. Чернозема в уезде почти нет».[1] Разница в почвенных условиях, по сравнению с другими уездами губернии, слишком заметная, чтобы не отразиться на общей хозяйственной физиономии этих уездов. Здесь совершенно понятной делается убыль хлебопашцев при общей прибыли населения. Об интереснейших хозяйственных процессах, приведших эти уезды в такое состояние, речь будет в своем месте. К этим двум уездам следовало бы причислить еще один смежный Кадомский, хотя воевода и обошел полным молчанием вопрос о движении земледельческого населения в своем уезде.

Если руководствоваться буквальными заявлениями воевод, то нужно будет сказать, что по 11 уездам в ответах указана прибыль хлебопашцев, по 8 — на вопрос «не убыло ли» дан точный ответ «не убыло», по 1 — ничего не сказано, и из 4-х, только что рассмотренных, относительно двух есть полное основание сомневаться в убыли хлебопашцев, для остальных двух придется убыль признать фактом.

Как будто бы мы имеем основание заключить, что в губернии убыли хлебопашцев нет, за исключением северных нечерноземных уездов. Скорее можно констатировать в большинстве уездов прибыль, так как за формальными ответами воевод «не убыло» или «убыли не усматривается» может скрываться и прибыль. Для того, чтобы эти положения приняли характер более убедительный, необходимо знакомство с деталями в хозяйстве каждого уезда, в чем, собственно говоря, и лежит основная задача настоящего очерка.

Итак, систематический рост цен на хлеб не находит себе объяснения ни в недороде, ни в предположенных социальных сдвигах, и нам надлежит продолжить обследование других сторон в хозяйственной жизни губернии в надежде приблизиться к выяснению искомой причины.

Из четырех провинций Воронежской губернии на первом месте по многолюдству следует поставить Тамбовскую (277.932 душ м. п.), потом следует Шацкая (251.581), Елецкая (179.191) и, наконец, Воронежская (154.475). Города с их уездами располагаются по тому же принципу в следующий ряд: 1. Шацк 129.373 душ. м. п.; 2. Тамбов 83.705; 3. Ряжск 61.072; 4. Ливны 55.055; 5. Козлов 48.942; 6. Елец 47.348; 7. Керенск 46.556; 8. Н. Ломов 29.811; 9. Темников 27.227; 10. Воронеж 26.646, т.-е., самые населенные города с уездами приходятся на Тамбовскую провинцию (4), затем идет Шацкая (3), Елецкая (2) и Воронежская. Воронеж, губернский город, стоит на последнем месте, а города его провинции — такая мелочь, на которой и останавливаться

---

[1] Семенов, Геогр.-стат. словарь Российской Империи.

нечего: население всех городов в Воронежской провинции почти равняется населению одного Шацкого уезда.

Все это, конечно, не случайность. Чем южнее лежит провинция, чем ближе к степи, тем менее она населена и тем больше в ней городов-крепостей, еще недавно оберегавших подступы к центру. Все это станет нам совершенно ясно, когда мы ближе всмотримся в состояние этих провинций. Начинаю с юга.

Воронежская провинция.

В состав Воронежской провинции входило 14 городов с уездами — Землянск, Костенск, Коротояк, Ольшанск, Усерд, Верхососенск, Орлов, Усмань, Демшинск, Романов, Сокольск, Павловск, Хоперская крепость и Борисоглебск и 6 городов без уездов. Ближайшее ознакомление с этими городами приводит меня к убеждению, что почти все они в середине XVIII в. носят названия городов по старой памяти. Это все бывшие крепости, воздвигнутые в свое время для защиты, главным образом, от татар, сейчас больше никому не нужные. Укрепления их систематически разваливаются, и жалеть об этом некому; старые заслуги забыты. Традиция прервана. Новые поколения живут другими интересами. Если применять к данному явлению обычный в таких случаях термин «величественный покойник», то только разве отбросив эпитет, потому что ничего похожего на величие здесь мы не найдем.

Среди этих мирно почивших городов однако ясно и определенно выделяются два настоящих города — это Воронеж и Острогожск. Между этими двумя пунктами распределяются все остальные маленькие городки с их уездами и заметно втягиваются в интересы указанных центров. Только два западные уезда Борисоглебский и Хоперский, кроме того, имеют тягу к южному Дону. Однако мы бы сделали колоссальную ошибку, если бы подумали, что эти два крупных города стоят подобно оазисам в пустыне. Пустыни здесь никакой нет: за исключением заснувших городов-крепостей, все здесь полно кипучей деятельности, направленной прежде всего в земледелие. Однодворец, помещичий крестьянин, сам помещик и обыватель захолустного городка с возрастающей энергией устремляют свои силы к земле, возбуждаемые к тому растущим спросом на продукты их труда и капитала. К концу 60-х годов уже не приходится заботиться о повышении цен на хлеб, чтобы вознаградить труды земледельца. Высоко поднятые общим течением цены ставят уже другой вопрос о приспособлении государственного аппарата к новым условиям хозяйства.

В 1811 году Воронежский губернатор в своем отчете Министру Внутренних Дел характеризовал свою губернию с точки зрения качества земли так: «Почва земель здешних большею частью чернозем, не требует никакого удобрения, редкий из помещиков употребляет намет. При благословенной жатве труды земледельца награждаются с прибытком».[1] За пятьдесят лет перед этим Воронежский губернатор говорил о своей губернии то же. Он сообщал в своих

[1] Л. Ц. И. А., Юрид. Отд., Отчет Губернатора 1811 г.

ответах на Сенатские вопросы, что в его губернии хлебопашество развивается, количество хлебопашцев растет (2), распахивают новые пространства «сверх прежнего» (4). Экономические крестьяне пашут «с прибавлением» (5), и это последнее обстоятельство чрезвычайно показательно, так как экономические, освобожденные от власти монастырей, стали заниматься тем, что считали для себя выгодным. В таком же положении находились и однодворцы, которым тоже принадлежало право свободного выбора занятий; и было бы совершенно естественно предполагать, что если экономический крестьянин усердно пашет землю, то от него не должен отставать и однодворец. Но Воронежский губернатор однако находит нужным упрекнуть однодворцев в некотором нерадении к земледелию: «однодворцы, которые, не имея за собою смотрителей, как вольной народ, паче ж обращающийся в праздности, к тому не стараются». Противоречие легко устраняется, если мы заглянем в Академическую анкету, где в пункте 6 значится: «Однодворцы больше упражняются в хлебопашестве, которое у них в лучшем состоянии находится». В анкете Кадетского корпуса к этому имеются еще очень важные дополнения. Оказывается однодворцы есть богатые и бедные. Богатые от земледелия «имеют довольство, а бедные безлошадные и не имеющие такова достатку, чем хлебопашество исправлять, недостаток свой награждают и положенные на них подати исправляют, вырабатывая деньги через наем у разных чинов людей» (6), т.-е., нанимаются на работу и к своему же брату однодворцу, но более обласканному судьбой. Сопоставление трех анкет дает нам некоторое основание смягчить субъективный подход губернатора к однодворцам, которые не нравились ему в качестве вольного народа, не имеющего над собой начальства, тем не менее это впечатление губернатора в значительной степени соответствовало действительности, совершенно также отмечаемой и Тамбовским воеводой (стр. 76), если только понимать это явление в смысле большей, чем в какой либо другой среде, отчетливости процесса расслоения среди однодворцев свободных от принуждения. Часть однодворцев, действительно, оставила земледелие. В соответствии с состоянием земледелия стоит сообщение Академической и Кадетской анкет о значительном количестве хлебомольных водяных мельниц в уезде (их здесь 59). Правда, этот пункт о мельницах очень опасен, потому что, повидимому, воеводы не всегда очень точно считали количество мельниц. Да и одно их количество нам очень мало говорит, так как мы не знаем работоспособности каждой мельницы, которая по существу могла быть весьма разнообразна.

Одной черноземной почвой, не требующей удобрения, объяснить все то хозяйственное оживление, которое можно наблюдать по трем анкетам, нельзя. Нужны еще некоторые условия, способные поднять интерес к расширению сельского хозяйства. В этом направлении все три анкеты отмечают наличность такого условия—большого спроса на воронежский хлеб. «Приезжающие из разных губерний хлебные промышленники для продажи, а некоторые от недороду и собственно для себя скупают хлеб и вывозят большим числом...; разъезжая по селам и деревням, упреждают закупать дорогою ценою и дают наперед в задаток деньги»; хлеб «скупается... приезжающими купцами

и разных чинов людьми по селам и деревням еще не молоченный, договариваясь молотить своими работниками» (14). Перед нами промышленные скупщики, закупающие хлеб на корню и при помощи задатков связывающие население. Денег не жалеют. Здесь говорится больше о приезжих купцах и разных чинов людях, которых губернатор, чтобы не разойтись с терминологией паспортов, не решается назвать купцами, что, однако, нисколько не меняет их экономической сущности. А как же местные купцы? В Сенатской анкете в п. 12 купцы объясняют дороговизну в хлебе ссылкой на приезжающих из других городов скупщиков, о себе же не говорят, очевидно, не желая попасть в категорию виновников дороговизны. Анкеты Академическая и Кадетская, взирающие на те же явления под иным углом зрения, сообщают, что и местные купцы промышляют покупкою и продажею хлеба (5), что «от города Воронежа по р. Воронежу до устья Дона и вниз рекою Доном купеческие будары ходят токмо по весне с провиантом до Донских казачьих городков и до крепости св. Анны» (11), т.-е., увозят хлеб к Азовскому морю. Размеры этой торговли хлебом с югом видны из цифр, приводимых Щекатовым: в 1783 году вышло из Воронежа в Ростовскую крепость с хлебом до 80 барок, и хлеба в них вывезено более 130.000 чтв. Хлеб этот шел «в низовые Донские места и на Кавказскую линию». Иначе, конечно, и быть не могло, когда само население, не дожидаясь скупщика или его избегая, и раньше отвозило хлеб на продажу, «а ныне против того отвозится со излишеством». Куда? В Острогожск на винокуренные заводы (10),[1] в город Воронеж на рынок и в другие «по способности их жительства лежащие соседние города, где находятся торги» (21).[2] Кроме хлеба, скупается здесь скот: «приезжие закупщики и барышники... отгоняют (его) в Москву и в СПБ., тоже и отвозят по ярмонкам» (23).[3] «Велики также торги и шерстью, доставляемою в Москву за расходами на свои фабрики».[4] »Лет за пятнадцать перед сим (книга печаталась в 1801 г.), пишет Щекатов, завелись в Воронеже знатные сальные заводы, с коих сало в великом количестве отправляется к Санктпетербургскому порту».[5] Тот же Щекатов сообщает, что Воронежские купцы «от губернских торгов имеют до 1 миллиона рублей».

Сенатская анкета ничего не говорит о Воронежских фабриках, вероятно, по той причине, что, по мнению губернатора, фабрики не влияли на поднятие хлебных цен. Пробел этот пополняется Академической и Кадетской анкетами, где мы имеем очень ценные сообщения. В г. Воронеже имеются фабрики: суконная и красильная, каразейная суконная и коверная, бумажная, купоросный и железный заводы. Таблица представляет их полностью.

---

[1] Сенатская анкета.

[2] Академическая анкета.

[3] Академическая анкета.

[4] В 1799 году вывезено отсюда 70.000 пудов шерсти. В Словаре Щекатова статьи по Воронежской губ. писаны Евгением Болховитиновым и заслуживают доверия.

[5] В 1799 г. вывезено сала 200.000 пудов.

Имена владельцев.	Специальность.	Где лежит.	Когда основана.	Что производится.
1. Постоваловы Вас. и Ив., Ворон. фабриканты.	Суконная и красильная.	В г. Воронеже при р. Воронеже.	1743	Васильковые, зеленые и красные сукна.
2. Сахаров Петр Петров сын.	Суконная и коверная.	»	1754	Суровые некрашеные сукна и ковры.
3. Клочков (жена его), Ворон. заводчик.	Купоросный завод.	»	1750	Синий купорос.
4. Сахаров Михаил, Ворон. фабрикант.	Суконная и купоросная.	Близ р. Дона на р. Буровлянке, село Грязново 30 в. от города.	1754	См. 2.
5. Постовалов.	Бумажная.	В Бедоколодск. у. в 100 в. от Воронежа.	1743	См. 1.
6. Терпугов.	Железный ручной.	В с. Мечке в 67 в. от Воронежа.	1748	Железо кусовое.

О дворянском хозяйстве в анкетах нет специальных указаний; лишь косвенно в Сенатской анкете в ответе на п. 10, не умножилось ли против прежнего винокурение, особливо потому, что дворянство, пользуясь вольностью службы, живет больше по своим деревням, отмечено, что, действительно, после указа о вольности дворянству, помещики «больше жительство имеют в деревнях своих». Весьма понятно, что освобожденный от обязательной службы дворянин, живущий на доходы от своего имения, при общем оживлении сельского хозяйства в уезде, стал больше интересоваться своим черноземом. Доказательства этому будут приведены ниже.

В заключение сделанной общей характеристики провинции не лишним будет познакомиться с хозяйственной физиономией самого города, насколько она отображена в анкетном материале.

Воронеж в середине XVIII века, хотя и был полон только воспоминаниями о недавнем времени своей кипучей деятельности, возбуждаемой волею Петра, хотя его настоящее и не было столь шумно, тем не менее проявлял самые определенные признаки живучести. По пятой ревизии (1794 г.) здесь считалось около 13.000 жителей. В 60-х годах их было меньше: купцов считалось муж. пола 1553, рабочих фабричных муж. пола 270, однодворцев 1250, дворовых людей и крестьян 130. Итого муж. пола 3203. Если удвоить эту цифру, получим 6406. Но в Кадетской анкете, откуда взяты эти цифры, не указано число дворян, разночинцев и мещан. Вероятно, население города исчислялось тысяч в 9 приблизительно. Всего в Воронежском у. считалось

в 1766 году 26.646 душ.[1] На уезд же по данным Кадетской анкеты приходилось 17.091 душ (податных). В городе есть торговля. Базарные дни — понедельник, среда, пятница. Хотя и нет гостиных дворов, но купцы приезжие «с товарами бывают из Суздальского уезду более с холстом, а из протчих Воронежской губернии разных городов с юфтевыми кожами, також с разною деревянною, глиненою и стекляною посудою и цыновками и рагожами мочальными». Местные купцы торгуют «москотинными, красными и протчими товарами». Скупают и продают хлеб, рунную шерсть, мед-сырец, пушнину. Живущие в гор. Воронеже и в уезде однодворцы занимаются исключительно земледелием. В самом уезде три фабрики.

Дальнейшее рассмотрение Воронежской провинции начинаю с севера. На самом севере провинции лежат города Сокольск, Романов и Белоколодск с Липецкими заводами.

Сокольск — на границе трех провинций Воронежской, Елецкой и Тамбовской — представлен только в одной Академической анкете. В середине XVIII века город Сокольск имел еще вид крепости, затронутой процессом разрушения сравнительно мало. В нем «ярмонок никогда не бывает и гостиных дворов не имеетца» (4), «есть только «самые малые» ярмарки в двух селах (8), «у обывателей промыслов никаких не имеетца, а имеют черную работу, землю пашут, хлеб сеют, и хлеб продают, и тем больши удовлетворяютца» (5 и 6); хлеб разнообразный озимой и яровой (рожь, пшеница, полба, овес, ячмень, просо, горох, семя льняное и конопляное, чечевица) «перед посеянным бывает с прибылью» (21); «фабрик и рудных заводов не имеетца, а имеетца близ села Филатовки молотовые железные заводы» кн. П. И. Репнина в $16^1/_2$ верстах от города (7). Живут в уезде по большей части однодворцы, «только по небольшой части помещиковых крестьян имеетца».

В непосредственном соседстве к югу от Сокольска лежат два мертвые города, когда-то тоже крепости — Белоколодск и Романов. О Белоколодске Кадетская и Академическая анкеты говорят так: «в прежних годах бывал город Белоколодск, ныне... совсем развалился, и никакой городьбы и валу не имеетца». Стоит только одна деревянная церковь, при которой живут церковные служители, и двор помещиков (26). Романову грозит та же участь: когда-то он был огражден деревянным палисадником с пятью башнями. «Оные башни и палисадник от давных лет погнил и развалился без остатку» (1). Нет ни одной каменной постройки, кроме «выхата, где бывают казенное вино», построенного в 1757 г. В этом городе «ярманок никаких и торгов не бывает никогда». «Обыватели из купечества торгуют мелочными товарами и подрядом солью и провиантом, однодворцы пашут землю». «Оной народ... болея никаких ремесл не имеет».

У обоих городов вся жизнь в прошлом; если же мы захотим увидеть здесь настоящую жизнь, полную молодой энергии, то нам нужно отъехать от Романова 13 верст и заглянуть в село Липское. Тут «имеютца железные

[1] Арсеньев, Статистические очерки России.

заводы на речке Липовки, которые называются Липецкие заводы», принадлежащие кн. П. И. Репнину[1] (7). «При оных заводах в том же селе Липском жительство имеют тех заводов мастеровые и работные люди. Того же города (пророческая обмолвка составителя ответов Б. Г.) купечество некоторые имеют домы каменные. И торги бывают в воскресные дни хлебом, мясами, деревянною посудою. Ярмонки бывают в апреле и в июне месяцах». Товары мелочные — камки, китайки, крашенина (8). Здесь две церкви, одна из них каменная, а в двух верстах отсюда опять две церкви, каменная и деревянная».

Совершенно понятно, почему в 1779 году Романов был превращен в село, а Липецкий завод сделан уездным городом.

Около развалин города Белоколодска приблизительно такая же картина. Тут на речке Белоколодезе построена фабрика бумажная фабрикантов Постоваловых, «оного ж города в уезде железные заводы» (Боренские) князя П. И. Репнина. В 4-х верстах отсюда того же владельца «молотовая, где железа тянут. Вниз от тех заводов на той же речке хлебные мельницы». Церковь каменная, 8 июля ярмарка.

Происхождение этих заводов довольно известно: Петр I устроил их здесь для обслуживания Воронежской верфи и вооружения военных судов. Но нельзя забывать, что в данной местности был другой, едва ли не самый главный и богатый источник, кормивший население — это чернозем. В Академической анкете на вопросы 5 и 6, какие промыслы у обывателей и в каких ремеслах народ больше упражняется, имеется довольно определенный ответ: «обыватели ис купечества торгуют мелочными товары..., однодворцы пашут землю, (5),... а более никаких ремесл не имеют» (6). По счастью, тут же при анкете имеется экстракт из сказок III ревизии (1761—1767) о числе душ по двум этим уездам. Оказывается, здесь однодворцев м. п. 4409 чел. (68,3%), мастеровых и работных людей 1325 (20,5%), купцов — 379, крестьян помещичьих — 322, крестьян однодворческих — 4 и дворовых людей, принадлежащих мастерам и служащим на заводах, — 17 человек.

Физиономия этих двух уездов принимает вполне конкретные очертания. Если даже считать, что все купцы действительно живут торговлей и земледелием не занимаются, чего могло и не быть по аналогии с другими черноземными уездами, то окажется, что даже в Липецке земледелием занимаются 73,3% всего населения, и на заводах работает 20,5%. Сеется здесь рожь, овес, пшеница, просо, греча, горох, и «против посеву урожаитца прибыли достаточно» (21). Сенатская анкета сообщает, что здесь недорода не было, хлебопашцев умножилось, хлеба прибыло, пустоты нет, пашут землю с прилежанием, удобрения не требуется. Поскольку речь идет о фактах, воевода сообщает их «чистосердечно». Что же касается причин, то он не давал себе особого труда на размышления и обобщения.

Дворян здесь мало, и мнение их о причинах дорожания хлеба «далее не простирается, как только они довольствуются своим хлебом, а затем оставшей

---

[1] Основаны Петром I, пожалованы Репнину Елизаветой Петровной 1757 г.

в продажу употребляют». По крайней мере, так это мнение излагает воевода. Купцы заинтересованы непосредственно в хлебной торговле, «от приезжающих (за хлебом) прибыль получают». Хлеборобы от приезжих скупщиков «получают себе удовольствие, потому что они, будучи при своих местах,... хлеб... продают, а сами для отвозу оного хлеба на продажу в другие места отлучки от домов и труда в проезде не имеют». Едва ли воевода догадывался, что это «удовольствие» доставляется местному населению не даром, и что скупщики наживают на нем не малые капиталы. Для него было совершенно ясно, что «дороговизна в хлебе произошла от закупки приезжающих в тамошние места из замосковных и около Москвы лежащих городов разного звания людей, которые, обзадачивая здешних купцов и однодворцев и договариваясь с ними, скупая хлеб молоченой и немолоченой в кладях и одоньях, перемолачивали и на подводах в свои места перевозили». А хлеба в уезде достаточно, недороду не только не было, «но еще в хлебе прибавление».

Из этой простодушной информации, однако, само собой напрашивается ряд выводов: 1. Главное занятие жителей — земледелие. 2. Сбыт его продуктов носит преимущественно примитивную форму скупки приезжим купцом. 3. Местные купцы служат агентами по скупке хлеба для иногородних, Московских, по преимуществу, капиталистов. 4. Дворянства здесь мало; оно втянуто в общий хозяйственный процесс. 5. Фабрика подбирает тех, кого выбрасывает земля.

Эти выводы я считаю методологически допустимым иметь ввиду и при обозрении смежных уездов при условии сходства в почвенном и климатическом отношениях. Прием этот может оказать большую услугу в случаях, когда уезд не представлен в Сенатской анкете, часто дающей ключ к более точному пониманию анкет Кадетской и Академической.

В район хозяйственного влияния г. Воронежа входят следующие уезды: Демшинский, Усманский, Землянский и Костенский.

Ближайшие от Воронежа к северо-востоку будут уезды Демшинский и Усманский. Сведения о первом мы имеем только в одной Академической анкете. Г. Демшинск — это бывшая крепость, которую население, устроившееся за «городом», в момент составления анкеты игнорировало совсем. Главное занятие жителей — земледелие. «Народ ремеслов никаких не имеет, а упражняется... только в одной работе черносошной, в скоте и хлебе имеют довольство» (6). «Фабрик и других заводов никаких не имеется» (7). «В уезде в селах рядов не имеетца и ярмонок не бывает» (8), бывает только 29 августа «малой торжок» (4). В городе есть 13 водяных хлебных мельниц (9). В анкете относительно урожайности уезда допущено недоразумение. Там сказано, что «в г. Демшинске и в уезде хлеб сеитца по большей части озимой: рожь и пшеница малое число, точно пшеница весьма неплодовита: годом случается прибыль толикое число, что посеешь, а во время неурожая и семен не возвратишь, а рожь також и еровой хлеб, яко то: овесь, проса и греча, во время урожая прибыли получаишь против семен вдвое и больше, а во время неурожая, что посеяно будет, только то ж число и получишь, а пшеница мало бывает урожаем». При черноземе такая урожайность кажется мало вероятной, кроме

того, сообщение противоречит всем другим данным: в уезде, по Щекатову-«урожай бывает отменно хороший», и сам воевода в анкете говорит об излишке хлеба, «который за употреблением обывателей... на продажу возят в г. Воронеж и в г. Усмань зимним временем на санях, а вешним временем на телегах» (21).

Город Усмань лежит в 14 верстах к югу от Демшинска на р. Усманке. Это тоже бывшая крепость. Вал, ров, следы стен. В городе стоит даже «замок четвероугольный», окруженный рвом, который «за долговремением весь обвалился и зарос». В четырех верстах имеется «признак старого острога». Очевидно, много стратегических расчетов связывалось с этой крепостью в свое время. Не в пример Демшинску, город этот успел стать в то же время и экономическим центром своего района. Внутри города стоят церкви, одна из них новая каменная и монастырь. Бывает «небольшой съезд к торгу, приезжают купцы из городов Воронежа, Ельца с соленою рыбою, и икрою, и конопным маслом, и с красными всякими мелочными товарами, кои более следуют к крестьянству. А г. Романова с Липских железных заводов с железом и с чугунною разною посудою». По пятницам — базарный день. Гостиных дворов нет (4). В уезде ярмарок не бывает (8). Население занимается земледелием и «кроме хлебопашия ни в каких ремеслах не находится» (5 и 6). Сеется рожь, овесь, просо, гречиха, «да от малой части пшеница», горох, полба. Скот имеется «с довольствием» (21 и 22). В уезде 24 хлебных мельницы (9).

В уезде три завода: селитренный в 4 верстах от города, стеклянный: в 15 верстах, и рудно-железный ручной в 20 верстах. В г. Усмани и в уезде «народ поселен из разночинцев из великороссийских людей, а более однодворцы. И к тому не мало прибавляются к поселению из дворян великороссийских разных городов» (30).

Стало быть, население растет, чернозем привлекает и помещиков. В полном соответствии с этими данными Академической анкеты стоят сообщения Сенатской. Земледелие развивается, дает хорошие результаты. Не только запахана вся земля, кроме лежащей «во отдалении», но распахиваются и новые пространства. Недорода здесь не было. Единственная причина вздорожания хлеба, по мнению воеводы, это большой спрос на хлеб и закупка его приезжими из других городов и из «подмосковных и далее». Своих собственных «записных» купцов здесь нет.

К югу от Усмани на той же реке Усмани стоял городок Орлов, позднее село. Население главным образом, однодворцы, дворовые и помещичьи крестьяне. В городе и уезде их м. п. 3195 душ. Жизнь идет не внутри города, а вне его: здесь люди и молятся, и торгуют, и живут. Приезжают к местной ярмарке на Вознесение купцы из Воронежа с разной рухлядью. Местного патентованного купечества нет. Народ питается «от земледелия и от продажи хлеба». «Продают в разных городах купцам и на винокуренные заводы, казакам и протчим людям» (21).

На юго-запад от Романова по Дону — уезд Землянский. Город Землянск находится в 41 версте от г. Воронежа. Их уезды непосредственно

соприкасаются. Город тоже был когда-то значительной замысловато устроенной крепостью. Сейчас «строение сгнило все без остатка, ров засыпался, и вал обвалился весь», стены доживают свой век.

Население города воевода изображает так: всего м. п. 801 человек, из них купцов 53; дворовых людей, разночинцев, не имеющих деревень, 62; однодворцев 585; дворовых людей однодворцов 4; черкас 97. В уезде помещиков и дворовых людей и крестьян 273; однодворцев 6366; дворовых людей однодворцев 26; черкас 120. Итого 6785 м. п. «Обыватели имеют одно только хлебопашество, и по собрании с поля хлеб и от того на платеж подушных денег для продажи отвозят в город Воронеж. А промыслов кроме того никаких не имеют» (5). «Кроме хлебопашцев в городе Землянске никаких ремесленных людей не имеетца» (6). Фабрик и заводов нет (7). Рядов никаких тоже нет, «а имеютца только самые малые две купецких лавки для продажи временно одного съясного, и то мало» (8). Малых ярмарок в окрестных селах три. Очевидно, местные экономические отношения проложили себе иные пути: в селах оказывается есть ярмарки, хотя и небольшие.

Хлеб сеется в городе и уезде — больше всего рожь, немного пшеницы и обычный яровой. Урожайность не показана, а вместо нее дана умолотность (21). Разводятся овцы и др. обычный скот (22). В гор. Землянске имеетца, как это, впрочем, ясно из вышеприведенных цифр, «больше однодворцев, которые содержут украинской ландмилицкой корпус, притом же здесь жительство имеют купечество и малороссияне, и то самое малое число. Землянского уезду в селах обстоят по тому ж все почти одни однодворцы, а промежду ими имеетца малое число и помещиков» (30). По уезду текут реки «самые малые», Землянка и Вислый Колодезь, по которым «судового хождения не бывает», поэтому вполне понятно, что уезд тянет к Воронежу и живет с ним общей хозяйственной жизнью. По 5-ой ревизии (1794 г.) в уезде считалось 72.782 души обоего пола, из коих однодворцев 40.995 и помещичьих крестьян 27.347, что вместе составит почти 94%. Дворян здесь 524 души.[1] Столь значительный рост населения говорит не только об естественном размножении, но и о пополнении населения пришлым элементом.

На границе Воронежского и Острогожского хозяйственных районов лежит уезд К о с т е н с к и й. И в старое время гор. Костенск был укреплением второстепенным, а в момент составления Академической анкеты укрепления его уже совсем «заросли». «Ярмонок и никаких торгов... (в нем) не имеется, да и напред сего не бывало» (3). В городе с уездом м. п. 1854 души. «И то однодворцы, а окроме никаких не имеетца», добавляет Кадетская анкета. «Города Костенска граждане и уездные однодворцы промыслы имеют — хлеб пашут, и от того довольствуютца» (4). «Оной народ больше находитца в пашни и в дамовой своей экономии» (5). Ни фабрик, ни заводов, ни гостиных дворов, ни ярмарок (3, 6, 7). Хлеб сеется: рожь, пшеница, овес, просо, греча, ячмень, «а плоду перед посеянием прибыли выходит вдесятеро» (21). «Оставшийся хлеб возят для про-

[1] Словарь Щекатова.

дажи в городы: Воронеж, Острогожск в зимнее время, а в летнее находятся в работах» (21 Кад.). Зато «близь города Костенска по реке Дону весною и в межень ходят одни будары с хлебом» (10). Эти будары плывут до города Павловска и до Черкасска, назад оттуда возвращаются порожними до города Воронежа (14). Вот и все, что мы имеем из Академической и Кадетской анкет. Немного, но достаточно для того, чтобы получить ясное представление о хозяйственной физиономии города и уезда. Города здесь в экономическом смысле никакого нет и не было, а есть хлебородные села и деревни, втянутые в общую хозяйственную жизнь соседнего Воронежского уезда. Очень интересно сообщение, что будары возят хлеб до Черкасска. Это очень значительный рейс, почти до самого Азовского моря. Воронежский губернатор говорил о том же, называя крайним пунктом крепость св. Анны, которая лежит еще на 7 верст ниже Черкасска. Итак, Воронежский хлеб идет не только на север в Москву и Петербург, к Балтийскому морю, но и на юг по Дону до Азовского моря. «А из оного проезд в Черное море, по коим проезд имеют и в Константинополь».[1]

Южные уезды Воронежской провинции (Коротоякский, Ольшанский, Верхососенский и Усердский) втянуты в сферу экономического влияния Острогожска.

Чем собственно Острогожск привлекал к себе окрестное население? К сожалению, город Острогожск и его уезд не обрисован ни в Академической, ни в Кадетской анкетах совсем, в Сенатской очень кратко. Острогожский воевода лишь счел необходимым сообщить в ответе на Сенатское требование, что он «по состоянию здешнего места... сообразя и слича все обстоятельства, не нашел в рассуждении оной дороговизны хлеба тех причин, кои б соответствовали положенным в оном указе вопросам». По его мнению, возвышению цен «прямая причина, что в замосковских местах дороговизна оному сделалась и, от того распространяясь, она и место от места по Украйне дошла и до здешнего места». Т.-е., местных причин он не видел, а ссылался на дороговизну в других местах, причины которой он не знал и знать не хотел. Отсюда все-таки видно, что, следовательно, в уезде урожай был нормальный, что хлебопашцев не убыло и пр. Одним словом, уезд в смысле сельского хозяйства благополучен. Но то, чего не отметил Острогожский воевода, правильно замечали другие воеводы соседних городов и уездов. Так, Коротоякский воевода указал на Острогожск, как на центр значительного винокурения и винного промысла, потребляющий продукцию Коротоякского уезда (дрова, хлеб, рыбу и пр.). Коротоякское купечество, по словам воеводы, склонно даже дороговизну хлеба приписывать жителям Острогожска.[2] Воронежский губернатор тоже отметил, что в Острогожске «во многие места покупается вино», и потому сюда из Воронежа и из других городов Воронежской провинции жители и раньше везли на продажу хлеб, а «ныне против того отвозится со излишеством», т.-е., спрос на хлеб в Острогожске все растет. Точно так же связаны

---

[1] Экон. вопросы. Рукоп. Публ. Биб. F. X. 2.

[2] «... причину дороговизны приписывает от жителей г. Острогожска» (л. 256 об.).

с Острогожском и жители соседнего с западной стороны Ольшанского уезда. К Острогожску они везут свой хлеб, а из Острогожска на ярмарку к ним в село Готовье съезжаются купцы и везут «мелочные товары». Описание хозяйственного состояния Острогожского уезда мы имеем, однако, в анкете Вольного Экономического Общества. В самых основных чертах физиономия уезда представляется здесь так: земля — чернозем, удобрения не требует, и к хлебородию весьма способна (1). Урожаи бывают сам-10 и 12 (рожь, пшеница, ячмень и овес), а проса — от сам-20 до сам-30, горох—сам-10, гречиха от сам-3 до сам-5, конопля и лен от сам-4 до сам-6 (2). Соху здесь давно забыли. Пашут плугами при помощи волов. Хлеб зимой возят продавать в ближайшие города и местечки. Разводят скот и особенно овец. Шерсть продают на фабрики «хорошею ценою», а скот промышленникам в Москву и др. города и имеют от этого «прибытки» (8). Кормят скот, между прочим, бардой от винных заводов. Бедное население нанимается под извоз вина, соли и рыбы. Но главный предмет Острогожского производства и самый прибыльный — это вино, поэтому «все зажиточные, как старшины, так и мещане, к сидке оного прилежат, оставляя почти все прочие способы к нажиткам и обогащению». Так делают «зажиточные», а «рабочий народ, оставляя все прочие работы, устремляется по склонности своей к трудам на винницы». Весь местный хлеб находит себе сбыт тут же. «Родившейся здесь всякой хлеб яровой продается с начала осени и до самой весны между своими жителями, а иногда... пшеницу и пшено покупают мимо проходящие на р. Волгу и в др. места всякого звания промышленники...; сами же земледельцы этого хлеба никуда на продажу не возят. Что ж принадлежит до ржаной муки, то она почти вся идет на винокуренные заводы, и ее еще не хватает: по недостатку покупают и у привозящих великороссийских жителей..., да и сей привозимой винокурители почти весь скупают, не допуская иногда и до места, где продажа происходит, а остается для употребления бедным людям в пропитание самое малое число, которое уже возвышенною ценою покупают» (31). Картина достаточно яркая и отвечающая на выше поставленный вопрос о притягательной силе Острогожска. Теперь заглянем в соседние уезды.

Ближайший с севера, прилегающий к Острогожску, уезд К о р о т о я к с к и й. Крепость города Коротояка находилась в 1760 году еще «в целости», внутри ее стояли провиантские магазины и артиллерийский склад, жилищ обывательских не было. Обывательская жизнь (в городе и уезде по второй ревизии м. п. 5895 душ) текла за крепостью. Бывает одна в году ярмарка, на которую съезжаются «с товарами шелковыми и протчими мелочными и крестьянскими» больше из городов Воронежа, Острогожска и Таврова (4). Торговых дней нет. Купечество малое и «самое бедное» (4 Кад.) «В гор. Коротояке и в уезде обыватели промыслы имеют продажею размноженного у себя скота и присовокупленного от пашни разного хлеба и рыбы от ловли своей» (5). В Сенатской анкете подтверждение: «продают иные рогатой, а другие мелкой скот, протчие с мелкого скота одну шерсть и за то получаемыми деньгами довольствуются» (Сен. 8). «...Народ упражняется больше в пашне и в сенокосе и в раз-

множении скота,[1] да во оном же городе и в некоторых селах и в рыбной ловле, а из оных пашня и сенокос в лучшем состоянии находится» (6). Ни заводов, ни фабрик.

Сенатская анкета к этому прибавляет, что в уезде хлебопашцев «не убыло», населения прибыло. Почва прекрасная, в навозе никакой нужды нет, население от него бежит: «накопят того навоза на дворах столь много, что и жить им будет не можно, то принуждены бывают, оставляя те места праздны, переходить и селиться на других не обнавоженных местах». Тем не менее у однодворцев в некоторых местах земли «не все распаханы и лежат в пусте..., а те земли запущены с тех пор, как им, однодворцам, высылка в Украинскую линию для работ и отлучка от домов имелась». Это, стало быть, временная и случайная причина пустоты. Хлеб свой население отвозит на продажу в Острогожск. Неурожая не было.

Итак, все три анкеты дают нам основание считать в Коротояке земледелие и скотоводство основными занятиями жителей. Соседство с Острогожском (15 верст) в значительной степени оживляло местное сельское хозяйство. Коротоякский воевода об Острогожске говорит так: «тамошние (Острогожские) старшины и войсковые жители по вольности их винокурения и продажи оного (вина) в дозволенных местах и поставки и продажи в великороссийские городы на питейные дворы имеют весьма довольно». Жители Острогожска «прожиточные и достаточные». Поэтому на их заводы требуется много хлеба, «куда на продажу Коротоякие обыватели по большей части отвозят». Те же Коротоякские обыватели поставляют на заводы и дрова. Острогожск потребляет Коротоякские «хлеб, рыбу и протчее». Там же бедные Коротоякские обыватели нанимаются на работу «дорогою ценою». Состояние Острогожского рынка определяет и цены на хлеб Коротоякского и других соседних городов. Так думает, едва ли не справедливо, Коротоякский воевода: «когда в (Острогожск)... из других городов и уездов хлеба привозу обывает мало, тогда оной по надобности к винокурению покупают с немалым повышением цен, а иногда по случаю довольного привоза бывает в ценах уменьшение» (11). Патентованное старое местное купечество совсем захирело. Этих «купцов» здесь вообще «малое число», а во-вторых, они «хлебом не торгуют, а по большей части (сами) упражняются в хлебопашестве», т.-е., строго рассуждая, это уже не купцы в экономическом понимании термина. На счет дворянства здесь дело обстоит плохо: всего два дворянина, из коих один в отсутствии, а другой болен, и поговорить воеводе было не с кем. Уезд оказывается в руках однодворцев и крестьян.

К западу от Острогожска в бассейне реки Сосны лежат города Ольшанск, Верхососенск и Усерд. Все они принадлежат к обычному здесь типу городов-крепостей, когда-то здесь крайне необходимых, в середине XVIII века уже никому больше не нужных. Экономического значения они обычно не имеют совсем. Пути хозяйственой жизни проходят мимо них, отдавая предпочтение

[1] Имеются в виду преимущественно овцы (22).

отдельным пунктам в уезде, где обычно раз или два в год устраиваются ярмарки и торжки.

Ольшанск на высоком берегу Сосны со всеми своими дубовыми башнями, стенами, тайниками и рвами частью развалился, частью еще «в прошлых годах изгнил без остатка» (1). Население города состоит из однодворцев—441 душа м. п., дв. людей и крестьян 34 д. Всего 475 душ м. п. В уезде 2320 душ м. п. (1 Кад.). «В помянутом городе... ярманок и гостинных дворов и в неделе торговых дней не имеетца, и ниоткуда ни с какими товары купечества приезду не имеют», а города Ольшанска и Ольшанского уезду обыватели для продажи хлеба и протчего ездят в гор. Острогожск, который от Ольшанска расстоянием в 15 верстах» (4). Бывает ярмарка, но не в городе, а в селе Готовье (8), куда приезжают купцы из гор. Острогожска. «Города Ольшанска и уезду однодворцы торгов и никаких промыслов у себя не имеют, окроме что только хлеб сеют» (5). Они же «ни в каких ремеслах больше не упражняются, как то по домашнему в посеве хлеба и в построении себе домов и в протчих домашних работах» (6). Кадетская анкета дает еще некоторые подробности: население, т.-е., однодворцы по преимуществу, «находятся по большей части в земледелии... и в заведении рогатого скота. Лутчей достаток признают от хлеба» (6). В городе и уезде «имеются однодворцы, и помещиковы люди, и крестьяне, також Острогожского полку казаки и подданные малороссияне черкаса, кои жительство имеют обще» (30).

Верхососенск в Кадетской и Академической анкетах представлен довольно бедно. Укрепления города «состоят в ветхости», справок о прошлом города навести не пришлось «за ветхостью архивы и за погноением в ней писем». Населения м. п. 707 душ. В уезде — 1596. Жизнь течет за городом-крепостью: там и церкви и дома. Все деревянные. Ни гостинных дворов, ни ярмарок, ни фабрик. «Народ больше упражняется в посеве хлеба и от того лутчее состояние имеет» (6). В городе и в уезде живут однодворцы, малороссияне и помещичьи крестьяне (30). Сеют рожь, пшеницу, яровую пшеницу, просо, гречу, ячмень, горох, семя конопляное и льняное. «Оставшийся хлеб возят в здешних местах в разные малые торшки не во множестве» (21 Кад.). Из скота больше разводят овец (23 Кад.). Из этих скудных известий все таки видно, что уезд чисто земледельческий».

То же и относительно Усерда. «Укрепления весьма ветхи, местами почти без остатку погнили» (1). Тем не менее в городе все таки теплится искра жизни: стоит деревянная церковь, прихожане которой живут однако за городом, имеются воеводские хоромы и канцелярия, первые выстроены в 1730 году, а вторая — в 1718. Тут же амбары, «где содержитца артилерия», постройки 1734 года. Имеются здесь и селитренные заводы, заведенные в 1731 году «казенным коштом», которые в 1751 году отданы в партикулярное содержание Назаренкову в компании с Александровым (7). Но в городе нет ни гостинных дворов, ни ярмарок, ни торгового дня, ни приезда купцов с товарами (4). Есть ряды и ярмарки, но не в городе, а в слободах Усердского уезда Алексеевке и Бирюче. В первую один раз год, во вторую пять раз приезжают купцы из Белгорода, Воронежа и Курска (8). Обыватели все земледельцы: «упражняются

посевом хлеба и в заводе скота. В лутчем состоянии находитца в посеве хлеба, тем и довольствие имеют». Земледелие вполне обеспечивает население: «недостатку по здешнему народу никакого не имеетца» (6). «Из хлебов сеют больше озимую рожь. На продажу возят ее летним и зимним временами» (21). Скот содержут для себя и на продажу «тутошним обывателям, приезжающим в случившиеся ярмонки» (23).

Наконец, несколько поодаль на восток от Воронежской провинции на р. Хопре имеется два города-крепости Борисоглебск и Хоперск. Первый был вновь построен в 1738 году после сожжения старого в 1700 г. «от набегу кубанцов и калмык». В городе, «кроме канцелярии, тюремной избы и порохового погреба, жительствующих обывателей не имеетца». Население живет в слободах. Населения в городе и уезде м. п. 4111 душ. Хоперск построен в 1716 году и с самого своего построения из давних лет состоит «в неисправности». Это такой же город, как и Борисоглебск. Настоящая жизнь течет вне города. Назначение его чисто военное. Стоит он «против татарского броду», «для перелазов татарских и бездельной казачей претензии» (3). Совершенно понятно, почему ни в одном из них нет ни гостиных рядов, ни ярмарок, несмотря на то, что Петр I указом велел в Хоперской крепости «в день Воздвижения... быть ярмонке» (4). Купечество и прочих званий люди с товарами проезжают мимо оной крепости и направляются на ярмарки в казачьи станицы. Население исключительно занимается земледелием, и Борисоглебская канцелярия глухо прибавляет, что часть населения прирабатывает, нанимаясь на работу к разных чинов людям. Сеют рожь, пшеницу, просо, овес, гречиху, ячмень, полбу, коноплю, лен, горох. Урожаи, по Щекатову, «отменно хороши». Разводят скот. Хлеб возят на продажу в Михайловскую станицу за 50 верст от Борисоглебска. По рекам Воронежу и Хопру ходят будары с хлебом «в Донские и казачьи городки из Шацкого уезду из Моршанской волости», т.-е., из Морши на юг (подробность очень интересная) «и в гор. Черкасской», прибавляет Хоперская канцелярия (11; Борисоглебск, 11). Эти будары назад уже не возвращаются, а продаются в Донских казачьих городках (15 Кад.). Население — казаки, малороссияне, однодворцы и помещики. Щекатов прибавляет к характеристике населения: «все помещичьи крестьяне, несмотря на доброту земли, к побегам склонны, казенные же крестьяне напротив того люди отменно тихого поведения».

Итак, города эти в качестве городов в хозяйстве края никакого участия не принимают, население их чисто земледельческое и, несомненно, втянуто в общий сельскохозяйственный процесс всей провинции, но имеет тяготение к югу, где на их хлеб имеется спрос. Кадетская анкета и позднее Щекатов ясно указывают, что местный «хлеб... отвозят для продажи в станицы Донских казаков». Щекатов прибавляет, что и скот продают на торгах «и ярмарках прасолам, приезжающим в великом числе из внутренних городов, паче из Коломны и Москвы», но Щекатовские сведения почти на 50 лет позднее анкетских.

Проделанное обозрение Воронежской провинции по анкетскому материалу показывает с полной очевидностью, что материалы разных анкет не только

не противоречат друг другу, но выгодно друг друга дополняют: объективные до бесцветности сообщения Ломоносовской и Миллеровской анкет оживают при сопоставлении их с данными Сенатской. К сожалению, не всегда возможно такое благодарное сочетание фактов, так как 26,3% уездов по всей губернии Сенатской анкетой не представлены. Я однако, думаю, что мы имеем полное основание пользоваться Сенатской анкетой распространительно. Совершенно естественно и понятно, что скупщик, энергично разъезжающий по деревням для скупки хлеба, старающийся скупить его, как можно больше, и не жалеющий для этого денег, не столько считался с уездными границами, сколько с путями сообщения, что экономический крестьянин или однодворец в смежных уездах более или менее одинаково реагировали на хозяйственные условия жизни.

Если воеводы представленных в Сенатской анкете уездов единогласно утверждают, что все классы местного общества и он сам считают причиной дорожания хлеба увеличившийся спрос на этот хлеб на рынке, то у меня нет никаких сомнений в том, что и в соседних уездах, Сенатской анкетой и не освещенных, дело обстоит так же. С таким же основанием мне кажется вполне допустимым под эпически спокойным тоном анкет двух наших академиков вскрывать то беспокойство различных общественных групп, которое так ярко изображается в некоторых случаях Сенатской анкетой. В результате всех отдельных наблюдений получается отчетливая картина большого хозяйственного оживления провинции, вызванного требованиями внутреннего русского и в значительной мере европейского и отчасти азиатского рынка. С этим последним положением мы будем иметь случай встретиться еще не один раз при обозрении следующих трех провинций губернии.

Тамбовская провинция.

По сравнению с Воронежской Тамбовская провинция представляет значительные отличия. Прежде всего это самая многолюдная провинция, с значительно меньшим по сравнению с только что рассмотренной количеством уездных городов. Их всего 7. Зато все они стоят крепко и, как показало будущее, выдержали всякие испытания, не уронив своего городского достоинства.

Провинция состояла из следующих городов: Тамбов, Козлов, Добрый, Ряжск, Верхнеломов, Нижнеломов и Инсар. Все уезды, кроме Доброго и Тамбова, представлены в двух анкетах — Сенатской и Академической. Добрый обрисован только Академической анкетой, Тамбов — только Сенатской, т.-е., мы имеем для этой провинции много объективных фактов и столько же опытов объяснения их внутренней связи и порождаемых ими следствий. В этом отношении провинция очень благодарная.

Тамбовский губернатор в 1804 году сельское хозяйство своей губернии характеризовал следующими цифрами: всего в этом году было произведено хлеба 10.302.587 чтв. Излишек от потребления населения на месте выражен

в цифре 6.558.621 чтв., т.-е., избыток составляет 63,5% всего производства. «Такой избыток хлебородия, пишет губернатор, редко изменяющегося, привлекает сюда промышленников, обитателей других губерний, и самые казенные заготовления хлеба почасту здесь производятся, что почти ежегодно подтверждается знатными выпусками хлеба с Маршанских пристаней». «Нелзя почесть здесь мало значущим и винокурение. Оно бы могло быть без сумнения еще более, есть ли бы уезды, изобилующие хлебом, вместе с ним изобиловали лесом». Приблизительно в том же стиле картину рисуют и материалы середины XVIII века.

Тамбовский провинциальный воевода, несмотря на то, что в ответ на Сенатский запрос рапортовал «на все в указе прописанные пункты не порядочно», т.-е., не по порядку вопросов, тем не менее дал достаточно яркую характеристику своего уезда и отчасти провинции. Уезд черноземный. Население пашет усердно. «Помещиковы и экономические крестьяне земель против прежних лет, чтоб не выпахивали, тово не признавается». И тут же, по особым соображениям, он нашел нужным сделать замечание относительно однодворцев, подобное тому, которое делал и Воронежский губернатор. «Токмо видно однодворцы хлебопашеству рачительства некоторые не имеют». Он заключил это в проезд по уезду, потому что видел «несколько числом» не вспаханных участков. А из разговоров с жителями он узнал, что «они, однодворцы, в работу другую нанимаются по фабрикам и по разным заводам и у помещиковых крестьян, ибо ныне работнику в лето одному по 7 р. и по 8 р. платы дают. А однодворцы токмо стараются заплатить одни подушные деньги». Намек на сравнительную льготность их тягла. Тамбовский воевода видел, очевидно, то же, что и Воронежский губернатор, (см. стр. 62). Некоторое совпадение в их объяснениях этого явления тоже не может быть объяснено случайностью. Придавать однако большое значение этой случайной пустоте не приходится, потому что сам воевода не только не говорит об убыли земледелия и о сокращении запашки, но в своих дальшейших показаниях обнаруживает как раз обратное. В Тамбовский уезд прибыли многие помещики и экономические крестьяне из других мест. Местные экономические крестьяне пашни не покинули, и это очень показательно. Значит, единственное правильное объяснение факта, указанного воеводой относительно однодворцев, — это расслойка в среде однодворцев: часть их вынуждена была соблазняться высокой, по мнению воеводы, заработной платой и идти в батраки к разбогатевшим крестьянам или же на фабрику в рабочие.

В его объяснении причин вздорожания хлеба мы можем увидеть еще несколько косвенных доказательств тому, что в уезде земледелие находится в самом благополучном положении. Самая важная причина вздорожания хлеба по мнению воеводы — это спрос на Тамбовский хлеб на рынке. Цены на хлеб выросли «от приездов (скупщиков) из Замосковных городов». «К тому ж имеется в дворцовом селе Морше на реке Цне пристань, на которой всякий год не меньше 100 стругов отправляемо с накупным хлебом бывает для продажи в Ярославль, в Рыбную Слободу, в Кострому и в другие по Волге города

до 300000 четвертей и более»,[1] для чего, прибавлю от себя по другому источнику конца XVIII века, каждую весну сюда собиралось около 25.000 рабочих.[2] Купцы, занимающиеся хлебной торговлей, не могут дешево продавать хлеб, потому что велики накладные их собственные расходы; «строют и покупают... суда не дешевою ценою, ибо леса к строению судов почти все сведены, и нанимают работников (на суда) также немалою ценою». А многие приезжающие из замосковных мест покупают хлеб и затем «продают с прибавкою цены и отвозят в другие города для продажи». Местные купцы тоже скупают хлеб, но не хоронят его со спекулятивными целями, а отвозят в город и там продают приезжим торговцам. Местные купцы и не могут ожидать еще более высокой цены, потому что у них нет больших капиталов. Всего по Тамбову состоит 633 души купечества, из которых четвертая часть уже не соответствует своему званию и превратились в рабочих, которые «бывают в найме в работе по разным местам». Некоторые из купцов стали у приезжих капиталистов простыми агентами по скупке хлеба. Они «берут у приезжающих из других городов и разных чинов деньги и скупают на оные хлеб». Их роль воевода считает скорее вредной, чем полезной. По его мнению, им бы лучше заниматься земледелием, т.-е., стать крестьянами, «токмо земель у них не имеется».

Правда, воевода указывает еще на одну временную причину дорожания хлеба — это «рожь родилась (в этом году) посредственная, хуже прежних лет», но и сам воевода этому обстоятельству не склонен придавать решающего значения. О хозяйственном поведении дворянства в уезде воевода говорит вскользь. Он сообщает, что «многие... помещики по указу... переведены жить в Тамбовский уезд», и что Тамбовское дворянство «старается хлеб соблюсти, а не в винокурение употребить» (Винокурение здесь разумеется домашнее для своего употребления). Из этих намеков все-таки можно усмотреть, что помещики живут на черноземе и считают, что хлебу может быть дано более прибыльное употребление, чем превращение домашним способом в вино.

Итак, несмотря на краткость и «непорядочность», Тамбовский воевода сумел сказать самое главное о состоянии сельского хозяйства в своем уезде.

Рядом с Тамбовским уездом к западу лежит уезд Козловский. Он тоже изображен в Сенатской анкете не многословно, но в достаточной мере выразительно. В Козловском уезде земля — чернозем; пашут хорошо, запашка растет, прибавляют к старой пашне залежи. Экономические пашут всю свою землю, из старой монастырской пашни остается непаханной только дальняя земля. Помещики «из других городов перевели своих крестьян не малое число». Дворянство стало жить в деревнях. При всех этих условиях совершенно понятно, что сюда «скупщики не малое число приезжают, а особливо по большей части подрядчики, которые подряжаются провиант ставить в провиантскую канцеля-

---

[1] В каком направлении развивался этот процесс, можно видеть из того, что спустя 36 лет из Морши отправлялось уже 626.000 четв. хлеба ежегодно (Отчет Губернатора за 1803 г.).

[2] Сен. Арх., Экономические примечания Тамбов. у.

рию, тако ж и винные заводчики». «От них хлебу цена возвысилась. В числе еще некоторых причин воевода указывает на возвращение армии из-за границы, секуляризацию, дарование вольности дворянству, потому что оно, живя в деревнях, стало будто бы больше тратить хлеба, но все эти причины все-таки сводятся к одной общей — увеличению спроса. Воеводе пришла в голову мысль, принятая потом Сенатом, о выгодности для государства на свои нужды не покупать хлеба, а брать натуральный налог с крестьян хлебом. Козловский хлеб по сообщению Щекатова, идет в Москву, Касимов, но больше всего в Моршанск, т.-е., отсюда на север. Этот уезд в хозяйственном отношении, повидимому, ничем не отличается от соседнего Тамбовского.

На запад от Козловского уезда город Добрый, сведения о котором имеются у нас только в Академической анкете. Там о самом городе сказано, что укрепления его к середине XVIII в. успели сильно разрушиться, ров обвалился, а палисадник выгнил. Внутри города осталась церковь, стоит воеводский дом, канцелярия, караульная изба и пороховой погреб. Строение деревянное «из старого перебранного лесу» (1 и 2). Ярмарок не бывает, а имеется 3 торжка, торговый день — воскресенье (4). Фабрик нет (7). Население занимается исключительно земледелием, «и лутче того промыслу во оных местах... изобрести невозможно» (5 и 6). Живут здесь однодворцы и между ними некое самое малое число и помещичьих крестьян (30). Сеют рожь, пшеницу, гречу, овес, просо. Рождается рожь сам-5, пшеница сам-2, греча сам-6, овес сам-3, просо сам-6, «а случается больше и меньше» (21). К этим кратким сообщениям мы вправе прибавить то, что известно нам относительно соседних Козловского и Тамбовского уездов. Конечно, и сюда приезжают скупщики, и здесь дорожает хлеб по той же причине, что и там. Академическая анкета только не имела повода говорить об этих вещах.

На северо-западе Тамбовской провинции в басейне реки Рановы, впадающей в Оку, лежит уезд Ряжский. О нем шла уже речь выше (стр. 56—57.). Сейчас к сказанному можно прибавить еще несколько ценных сообщений всех трех анкет. Самый город был когда-то укреплен, сейчас укрепления разрушились, и новый город слился со старым. Кроме двух каменных церквей, никаких каменных построек нет. В городе бывает 3 ярмарки в июне. Купечество местное «небогатое» (4). Ярмарки летом и осенью бывают и в уезде в 4 селах: (Ямцы, Княжое, Толпин, Троица). «На оных ярмонках торгуют сукнами, шелковыми всякими материями, золотыми и серебряными позументами, шелковой материи лентами, деревянною всякою посудою, дехтем чистым, березовым и смоленым. На оных же ярмонках бывают конная и скотская всяких родов продажа». «Купечество съезжается из городов Москвы, Тулы, Переславля Резанского» (8). «Обыватели промысел имеют в продаже всяких родов хлеба и скота» (5), «народ более упражняется в земледелии и окроме оного никакого ремесла не имеет» (6). Фабрик нет, но с 1760 года заводится у села Кипчакова от города в 27 верстах на р. Песоченке рудный железный завод Тульским купцом Кириллой Крапивенцовым (7). Уезд земледельческий. Хлеб сеется: рожь, пшеница, греча, овес, просо, горох, ячмень. Остающийся от местного потребления

хлеб «возят на продажу в Переславль Резанский, в Коломню, в Москву в сентябре, декабре, генваре и феврале месяцах, а поскольку числом четвертей и на коликих подводах, о том в Ряжской воеводской канцелярии известия не имеется» (21 Кад.). В уезде 55 хлебных водяных мельниц. В изображении Сенатской анкеты уезд представляется также вполне земледельческим, причем земледелие здесь энергично прогрессирует. Малопоместное дворянство и однодворцы приносят жалобы на недостаточность земель, из-за которых ведутся между заинтересованными лицами жестокие распри. Уже по этим одним обстоятельствам можно сделать заключение о том, что здесь мы имеем дело с земледелием, связанным с рынком. К сообщению Кадетской анкеты о том, что население возит зимой и осенью свой хлеб на рынки, иногда весьма отдаленные, Сенатская добавляет очень много. Прежде всего экономические крестьяне не только использовали свои старые участки, но разделили между собой монастырские земли, пашут их и хлеб продают (5). Затем от Санктпетербургской стороны и из-за Москвы и околомосковских мест «большие были приезды для хлеба. Молоченой и немолоченой в скирдах и одоньях скупали, и сами молотили и отвозили всякой хлеб» (8). «Умножилось промышленников стругами в Москву, в Астрахань, также уповательно в колонии нововыезжих иностранных людей, которые требуют потому не малое число хлеба». «Также умножилось промышленников весьма много и барками в Санктпетербург». «И сколько от хлебородных мест требуется в те места суммы хлеба!», восклицает воевода. «Хотя по крайней положить расстоянием от Москвы до Санктпетербурга и до приморских городов, то в такую обширность тамошним обывателям и крестьянам сколько суммы потребно хлеба, и такую обширность наполнить хлебом не без удивления. От Москвы ж до приморских городов состоят вся сторона не хлебородная«. Ясно, что здесь имеется ввиду не производство стругов и барок для Петербурга, Москвы, Астрахани и др., стоящих при водных путях сообщения городов, а хлебная торговля по водным путям на стругах и барках. Струги и барки, заготовленные здесь, нагружаются хлебом и отправляются по назначению. Точно такое же явление отмечено в анкете Инсарского уезда. Там эта мысль высказана еще яснее. Что воевода в своем показании имеет ввиду хлебную торговлю, ясно не только из приведенных текстов, но и из продолжения воеводского ответа. Считая главной причиной вздорожания хлеба большой его вывоз как из Ряжского уезда, так и из других мест России, он указывает и на вывоз хлеба за границу, пользуясь для выражения своей мысли фигурой реторического вопроса. «К тому не чувствуется ль из Санктпетербурга в какие другие краи хлебу выпуск?» Ответ предполагается положительный, исходя из коего воевода и продолжает свое рассуждение: «То по такому страшному и большому расходу хлеба каждый промышленник один перед другим жадничают приумножить свои капиталы и так скупают у крестьян всякой хлеб; а другие наперед и деньги задают, и по той причине крестьяна видят на свой хлеб расход, согласясь между собою, возвышают цену...». Картина очень характерная во всех своих деталях. Крестьянское хозяйство втягивается в круг широкого обмена со всеми последствиями, из этого приобщения к новым более

высоким формам хозяйственной жизни вытекающими. Одно ли крестьянское хозяйство подверглось воздействию новых условий? Конечно, нет. Но воевода о дворянском хозяйстве говорит мало. Из его ответов мы только узнаем, что дворяне воюют из-за земли с своей же братией благородным дворянством и со всеми другими общественными группами, заинтересованными в земле, и в боях «сильные у бедных (землю) во владение отбирают, а паче однодворцы от дворян обидимы». Маломестные дворяне жалуются на малоземелье (4). Затем воевода говорит, что дворяне стали больше жить в своих деревнях «по вольности дворянства» (10), полагают свое пребывание в деревнях в хозяйственном отношении полезным, эксплоатацию же имения через приказчиков и старост считают пагубной: «если помещики в отлучках, а их приказчики и старосты к смотрению оставлены», то эти приказчики и старосты «прилежности никакой не имеют» (13) и т. д.

Из этих кратких сообщений, приняв во внимание состояние всего уезда, мы можем сделать заключение и о хозяйственном состоянии и поведении дворянства. Оказывается, что 1) дворянство в имущественном отношении не однородно; мелкопоместные и богатые ведут себя не одинаково; 2) все имеют большую тягу к земле; 3) в погоне за землей проявляют большую нервность и часто действуют, переходя пределы закона; 4) пользуются своей вольностью дворянской для поднятия доходности имений, для чего считают полезным свое пребывание в деревне; 5) в том же стремлении поднять доходность имений обращают внимание на качество своих управляющих; 6) участвуют в хлебной торговле; 7) курят вино на продажу (винные заводы).

Переходим к северо-восточным от Тамбова уездам.

Верхнеломовский воевода в Сенатской анкете сообщает, что у него в уезде хлебопашцев прибывает, пустоты нет, чернозем удобрения не требует. Академическая и Кадетская анкеты к этой характеристике прибавляют: «у обывателей кроме одной пашни других промыслов никаких не имеетца» (5). «Народ больше упражняется в пашне, а некоторые имеют ремесло плотничье и портное, но оное только по своему обыкновению, а в лутчем состоянии находится пашенное ремесло, отчего и довольство имеют в хлебе, а недостаток многие обыватели имеют же в земле, в сенных покосах, в лесовых к строению дворов припасах». Из этого положения они выходят путем найма земли и через покупку леса (6). Фабрик и заводов не имеется (7). Хлеб сеется: рожь, овес, пшеница, полба, горох, греча, ячмень, просо.

Город Верхнеломов когда-то был крепостью. Сейчас в середине XVIII в. стены весьма обветшали и во многих местах развалились, ров осыпался. Внутри города имеется один приход, за городом — 4. В городе 1575 душ м. п., в уезде 18.324 души м. п. Бывает в городе ярмарка один раз в год, купцы приезжают из соседних городов, Кадома, Темникова и Тамбова. Местные купцы «за скудостью и за протчими к торговле невозможностями весьма недостаточны» (4). Базарный день — понедельник.

В таком же положении находится и соседний Нижнеломовский уезд. Внутри города одна церковь, за городом пять. Бывает ярмарка (44 Акад.)

Кадомские купцы приезжают с шелковым товаром, бумажной материей, с суконами разных сортов и всякой мелочью. Есть деревянные ветхие лавки. Базарный день вторник. Нижнеломовский воевода о своем уезде в Сенатской анкете сказал, что «сев хлебной приумножает», пашня растет, навоз не нужен: его выбрасывают в овраги и в буераки. Из Академической анкеты узнаем, что обыватели как в городе, так и в уезде «промысл имеют одним земледелием, а других никаких промыслов не имеют» (5). Ни заводов, ни фабрик (7). Хлеб сеется: пшеница, полба, горох, просо, греча, а большею частью рожь и овес. Степень урожайности воевода отказывается определять, потому что «урожаи хлебу бывают по местам и неравно» (21). Мукомольных мельниц 72. Из скота, кроме обычного в сельском хозяйстве, разводят «больше всего овец» (22). Живут здесь «отставные штап-и обер-офицеры, да из дворян недоросли, а большею частью однодворцы, да помещичьи и монастырские крестьяне, також поляки, малороссияне, а окроме оных других нацей нет» (30).

Итак, оба эти смежные уезда безусловно земледельческие. Земледелие с каждым годом растет. Нижнеломовский воевода говорит, что «покупка хлеба пред прежними годами весьма приумножилась». Скупают приезжие из разных мест разных чинов люди, главным образом, из подмосковных и др. верховых городов. Этого народа наезжает сюда «весьма довольно», и покупают хлеб весьма энергично, «как скоро кто сыскать может за какую цену ни было, не взирая на превозвышение цен, упреждая друг перед другом». Для скупки они ездят не только по торгам, «но и по всем селам», где скупают у жителей в домах. Близкий отсюда (150 — 200 верст) Саратов тоже закупает здесь хлеб. Кроме того в уезде и в соседних уездах винокуренные заводы дворянские и казенные «к заведению возобновляются». И от этих всех причин неизбежно «время от времени хлеба дороговизна умножается». Такого же мнения и местные дворяне. «Купцов же, которые, от чего дороговизна в хлебе, описывать могли, в тамошнем городе вовсе ни единой души не имеется». Верхнеломовский воевода, менее обстоятельный, кратко говорит всетаки то же. «Купцов, кои тот промысел имеют» (т.-е., хлеботорговцев), в его уезде нет. Вероятно, и слова Нижнеломовского воеводы об отсутствии в городе купцов нужно понимать в том смысле, что нет там записных купцов-хлеботорговцев. Верхнеломовский воевода дает еще одну подробность. Дворяне говорят, что «некоторые помещиковы их крестьяне за их помещиковым и своим расходом отвозят хлеб к продаже в другие места, где большая дороговизна хлебу...». Этого сообщения нельзя иначе понять, как в том смысле, что местное дворянство тоже торгует хлебом. При создавшейся в губернии общей хозяйственной обстановке было бы очень странно, если бы дворянство осталось незатронутым этим процессом. Если крестьянину иногда бывало трудно проявлять активность в этом отношени, и он часто вынужден был ждать появления скупщика в деревне, то помещик имел больше возможностей взять инициативу в свои руки и, устраняя перекупщика, прибыль от предприятия класть себе в карман.

Инсарский воевода сообщил Сенату, что в его уезде убыли в хлебопашцах нет, население прибыло, пустоты никакой, а экономические крестьяне, этот

довольно чувствительный хозяйственный барометр, не только не покинули пашни с тех пор, как стали вольными, но еще нанимают землю для расширения запашки. Земля почти повсюду плодородная, не требующая удобрения. В Кадетской и Академической анкетах написано, что «у обывателей, кроме хлебопашенной работы, никаких промыслов не имеется» (5). «По большей части и едва не весь народ в черной работе упражняется, в хлебном и приплодном скоте довольствии» (6). В уезде 29 водяных хлебных мельниц (9). В одной версте от города имеется «рудной доменной завод, построенный в 1754 году по указу Берг-коллегии московскими купцами Семеном Турчениновым и Васильем Николаевым с братьями». Производится здесь «литейная чугунная всякая посуда и железо» (7). Больше ни фабрик, ни заводов никаких здесь нет. Следовательно, уезд земледельческий. Хлеб рождается сам-5, сам-10 и более (последнее относится к просу и гречке). Остающийся от потребления хлеб «по небольшому числу зимним сухопутным путем возят на продажу в Москву и в прочие города» (21). Сенатская анкета дает возможность ближе всмотреться в хозяйственный уклад уезда. Почву здесь не удобряют, землю ценят, население земледельческое и всякое другое прибывает, экономические расширили пашню путем найма соседней земли. Злостных хлебных спекулянтов нет, как говорит Инсарский воевода, но «по рекам Енбару и Хопру скупают хлеб купцы Ярославские и Касимовские, которые отпущают сухим путем до пристани Выши,[1] от Выши до Ярославля водою, также и до Саратова сухим путем немалую сумму хлеба четвертей» (8). Эти сведения воевода получил из разговоров с жителями. Кроме того воевода по обязанности, налагаемой 11 пунктом анкеты, сообщил, что считает главной причиной возвышения хлебных цен «большие отпуски (хлеба) в Саратов» и большую закупку хлеба для Москвы («также примечено в городе и уезде в зимнее время из многих подмосковных городов приезжают разного звания люди, множество покупают разного хлеба и отвозят до Москвы и в протчие верховые подмосковные города»). Мнение дворян приблизительно такое же: «умножилось скупщиков; (хлеб) отправляют в Саратов и в протчие места» (13). Совершенно отчетливо нарисована здесь картина производства хлеба на рынок, от которого зависит и определение цен на хлеб. Хлеб выкачивается отсюда и сухим и водным путями и имеет направление на восток к Саратову, т.-е., к Волге, на север на Оку и на Волгу, откуда в Москву и дальше. Относительно самого города Кадетская анкета сообщает, что это единственный из городов губернии, укрепления которого, возобновленные в 1739 году для защиты от нападения Кубанских татар, имевшее место последний раз в 1717 г., сохранились в целости. Жителей здесь м. п. 1640 душ. Каменных зданий нет. Бывают торги в городе и уезде в селе Ченбаре (Никольское то ж). Приезжают

---

[1] Выша — деревня Тамбовской губ. при р. Выше. Здесь ежегодно приходящие плотники строют от 17 до 20 судов, которые погружаются хлебом, сюда свозимым из разных мест и между прочим, «со всего верховья реки Хопра» (Щекатов, Геогр. Словарь). По среднему расчету, отсюда отправляются ежегодно до 60.000 чтв. (Если в Морше на 100 барок — 300.000 чтв.). Сведения Щекатова относятся к концу века.

купцы из Кадома, Арзамаса и Касимова. Местное купечество «весьма бедное», т.-е., не ему принадлежит главная роль в торговом оживлении уезда.

Вот наиболее характерные факты, собранные в анкетах. Из них видно, что провинция живет земледелием, принявшим в значительной мере характер промышленный. Хлеб производится с большим избытком, назначаемым главным образом на сбыт. Со всех сторон сухим и водным путями зимой и летом хлеб свозится к пристаням, из коих видное место занимают Морша, Выша и Саратов, откуда он направляется к северу и югу. Везут хлеб на рынки и на лошадях зимой, не дожидаясь вскрытия рек. Весьма заметные перемены в общественном укладе населения находятся в полном соответствии с основным характером общего процесса.

Очень показательно образование на юге этой провинции нового города уже в чисто экономическом понимании слова. Выселенные в начале XVIII века из соседней Шацкой провинции из с. Устья Елатомского нечерноземного уезда крестьяне, среди коих находился Кирсан Зубахин, образовали на берегу реки Вороны поселок, который настолько быстро и заметно разросся, что в 1779 году превращен был в уездный город Кирсанов. Новорожденный (а он был не единственный в губернии) появился на свет в то самое время, когда старого типа города умирали массами (Романов, Белоколодск, Костенск, Демшинск, Орлов, Ольшанск, Верхососенск, Усерд и др.). Энергичный рост этого нового города обусловливался, конечно, общим хозяйственным подъемом провинции. Между прочим в этом уезде лежало известное нам в деталях образцовое по хозяйственному состоянию имение декабриста М. С. Лунина, способное очень ярко иллюстрировать общие тенденции экономической эволюции края.

Елецкая провинция.

В состав ее входили уезды: Елецкий, Чернавский, Ливенский, Лебедянский, Ефремовский, Донковский, Скопинский. Из них уезды Елецкий, Лебедянский и Донковский представлены тремя анкетами, Ливенский и Ефремовский Академической и Сенатской, а Чернавский и Скопинский только одной Академической.

Бодрые и здоровые ноты сразу обращают на себя внимание в сообщении Кадетской анкеты о главном провинциальном городе. Город был крепостью, которая сгорела в 1745 году. Но пожар этот даже способствовал расширению города, но города уже в новом понимании слова: «во многих местах на месте городовой (сгоревшей) стены и на рву обывательскими, Елецких купцов дворами, лавками и прочим поселением застроено», т.-е., в течение 15 лет город заметно вырос. 5 каменных церквей, 9 деревянных, каменный монастырь. Воевода прибавляет, что каменные постройки недавнего происхождения. Казенная палата 1759 года, соляной анбар 1754 г., 4 каменные дома Елецких купцов (1). Мужского пола душ — «купечества, казенных кузнецов, дворовых людей, церковных и монастырских бобылей и ямщиков 3772». Каменные церкви строятся вновь и в уезде. По уезду однодворцев 13.023, крестьян 35.175 душ. Привозятся сюда товары из Москвы, из соседних городов и из Украинских.

Понедельник, среда и пятница — торговые дни (4). Из уезда везут скот, птицу, хлеб, деревянную посуду и т. п. Местное купечество, названное здесь «посредственным», торгует разными товарами. Имеются мастера — кузнецы, кожевники. Главная масса населения «пропитание имеют от земледелия» и от него получают «лутчее промышление» (5 и 6). Хлеб продают, возят зимним путем по небольшому числу в Тулу, Москву небольшими партиями (21). Купцы покупают у местного населения также скот и летним временем гоняют небольшими гуртами (по 50 и 100 голов) в Тулу и в Москву (21). Благодаря наличности в почве руды, здесь имеется несколько железных заводов. Следующая таблица представляет их полностью:

Фамилии владельцев.	Социальное их положение.	Год основания завода.	В каком расстоянии от города.	Название водоемов.	Специальность.	Название селения.
Зыков, Петр	Елецкий купец.	1757	У города.	Р. Елец.	Молотовый железный.	
Зыков, Петр	»	1751	60 верст. от города	Р. Дон.	Рудные железные.	Село Дол и дер. Болохна.
Криворотов, Никита.	»	1756	60 »	Запрудная вода.	»	С. Гнилуши.
Ростовцевы, Григорий и Петр.	»	1758	40 »	»	»	С. Казачье.
Дуров, Петр.	Лейб-Гвардии поручик.	1730	38 »	Р. Студенец.	»	С. Козино.
Арехов, Василий	Тульский Фабрикант.	1755	55 »	Р. Репца.	Молотовые, доменные, чугунные и железные заводы.	С. Уткино.

Эти заводы приводятся в действие водою. Окрестное население тоже втягивалось в работу этих заводов: «а на оные все заводы получают они, завотчики, руду Елецкого уезду из сел Студенца, Колабина и дер. Мухиной от разных помещиковых людей и крестьян и от однодворцев покупкою».

Интересно обратить внимание на время возникновения этих заводов в связи с социальным положением заводчиков. Только один завод, самый ранний по времени основания (1730), принадлежит лейб-гвардии поручику, т.-е., помещику, Дурову. Остальные все основаны в середине века и принадлежат купцам местным, один Тульскому «по отдаче им от гос. Берг-коллегии». Едва ли это случайность: купеческий капитал в роли организатора фабрики мы видели и выше.

Производство этих заводов описано в Кадетской анкете так: «А приготовляется здесь копанная из земли руда, а из ней сплавляются крицы, а из тех делают железо, а из оного разные материи: пахотные сошники, палицы железные, поддонки бражные, пивоварные котлы. А на молотовых приуготовляется из привозимого со оных рудных заводов кричного полосное железо. На доменных плавится чугун и льются всякие мелкие материи, т.-е., сковороды, котлы и доски и протчее». Предметами этими прежде всего насыщается внутренний рынок.

Несмотря на внушительность этой заводской работы, уезд все же остается земледельческим по преимуществу. У Щекатова главнейшим промыслом в уезде считается хлебный «по причине чрезвычайного здешних мест плодородия». Хлеб «скупают как в городе на торгах еженедельных, трижды привозимой, так и в уезде, и отвозя оной сухим путем до Тулы, Серпухова и Москвы». Как видим, в конце века те же основные явления, что и в его середине, когда воевода, отвечая на Сенатскую анкету, считал единственной причиной вздорожания хлеба увеличение спроса на него, вызванного рядом обстоятельств: неурожаем «особливо в прилежащих к Польской границе местах», ростом винных заводов, возвращением русской армии из-за границы, общим увеличением в России населения, иммиграцией, возвращением беглых из Польши, требованием на русский хлеб за границей («от отпуску в заграничные места») и в связи с этим соответствующим поведением русского правительства.

Благодаря всем этим обстоятельствам, хлеб «от году в год расходился в несравненном против прежнего количестве». «Имеющие торговой в хлебе промысл..., приезжая в здешние места, не только изготовленной к продаже, но и в гумне стоящей немолоченной без дальних о цене договор, но что только хозяин требовать мог, не допущая до других, для того ж и приехать имеющих, как наперерыв, одни перед другими, стремясь, закупали, на что смотря, Елецкие купцы, желая воспользоваться от перекупу прибылью, в удобнейшее время, когда не столь много приезжих иногородных бывало, скупая сходными ценами, и, как скоро иногородные к покупке появятся, возвышали несравненную цену... И так от времени до времени, начиная от уездных, потом от городских, а после и от приезжих иногородних даже до самых последних скупщиков и барышников, как каждой из них, желая при продаже или поставке куда по договору против покупки своей, а многие из них против цены и двойной прибыток, напоследок до толь неслыханной до сего в тамошних местах дороговизны взошло». Не скупясь в красках при изображении процесса хлебной торговли, воевода в то же время ничего не говорит о направлении, куда отправляется отсюда хлеб. Щекатов по этому поводу сообщает: «главнейший промысел жителей, по причине чрезвычайного здешних мест плодородия, есть хлебной». Хлеб продают как на месте, так и «отвозя оной сухим путем до Тулы, Серпухова и Москвы».

Смущенный таким явлением и, повидимому, не очень доверяя предложению власти писать свое мнение, «не опасаясь ничего», воевода на всякий случай сообщает и свое личное отношение к делу. Канцелярия, сколь возможно, старалась «к удержанию перекупщиков и барышников от непомерных прибы-

лей», но все меры, принятые ею в борьбе с растущими ценами, оказались бесплодными: «затверделые в непослушании и своевольстве люди, не видя над собою строгих поступок, от того мало воздерживались. Канцелярия же, не имея власти, дальнейшего им препятствия сделать оставалась не в состоянии». Стало быть, воевода не виновен в той торговой вакханалии, которую он «чистосердечно» изобразил. Хотя воевода касался в своих показаниях только своего уезда, но ему, привыкшему иметь перед глазами более широкий горизонт в пределах возглавляемой им провинции, чисто психологически трудно было сузить свои впечатления, и весьма естественно, что к его характеристике Елецкого уезда могут подойти и другие уезды провинции. Елецкий депутат от однодворцев в Комиссии 1767 года естественно настаивал на свободе торговли для всех классов общества: иначе разночинцы, не имеющие земли и упражняющиеся в торговых промыслах, могут придти в крайнее убожество.[1]

В непосредственной близости к Ельцу находится город Чернавск на реке Чернавке. При одинаковых природных условиях Чернавский уезд не может значительно отличаться в хозяйственных отношениях от своего ближайшего соседа. Город Чернавск когда-то оберегал подходы к Московскому государству, но к середине XVIII в. он представлял собой уже полнейший анахронизм. Деревянная стена с башнями еще стояла, несовсем заросли еще рвы, а внутри этого укрепления доживали «казенный деревянной... воеводский двор и канцелярия, анбар и конюшня. И те... самые ветхие, в которых уже и жить опасно» (2). Никаких ярмарок не бывает, ниоткуда ни с какими товарами купцы не приезжают (4), обыватели «только на одной пашне состоят» (5) и разводят скот «со излишеством по здешним скотным местам» (22). Ни фабрик, ни заводов (7). При образовании наместничеств этот город был упразднен и причислен в качестве слободы к Елецкому уезду. Таким образом, у нас получается еще одно серьезное основание характерные особенности Елецкого уезда распространять и на Чернавскую слободу.

В 28 верстах от Ельца лежит другой город Ливны. Ливенский уезд изображен своим воеводой в Сенатской анкете не так полно, как Елецкий, но и из кратких ответов получается впечатление о прогрессирующем земледельческом хозяйстве на сбыт. Воевода пишет, отвечая на п. 2 анкеты: «убыли в хлебопашцах не усматриваетца», пустоты никакой нет, кроме «диких поль», которые еще никогда не распахивались. По совокупности всех обстоятельств, при общем увеличении числа населения в уезде, трудно допустить, чтобы не умножилось здесь и число земледельцев. Воевода просто не хотел говорить в данном случае того, о чем его не спрашивали. Вероятная прибыль в земледельцах вытекает из дальнейших воеводских сообщений. Урожаи прекрасные. Земледельцы «по великости пашни и по урожаю хлебом не только сами довольствуются без нужды, но еще употребляют на продажу». «По великой же пашне» здешние жители «собою и убрать (хлеба) не могут, а убирают тот хлеб приходящими из других губерний и городов людьми, нанимая их за большую плату, за что

[1] Поленов, Д. Истор.-сведения об Екатерин. комиссии, стр. 85—86.

и платят им из того ж хлеба не менее с десятины по 2 четверти. И такое множество людей для зажину хлеба находит, что иные, потому (что) уже везде места их братьею заняты, и не найдя себе работы, назад и в другие места отсюда возвращаются». Все это факты, которые с полной очевидностью свидетельствуют о том, что здесь сельское хозяйство ведется так же, как и в соседнем Елецком уезде. Сюда точно так же приезжают за хлебом из разных мест: «бывает и других губерний и городов приезжающие для покупки на пропитание себе[1] хлеба великое множество, також и от посланных от полков офицеров для закупки ржи» (8). Хлеб дорожает «больше от того, что не мало бывает приезжающих из других мест для покупки хлеба» (9). «Дворяна отзываются не иным чем, как большим подъемом туда из других губерний и городов для покупки хлеба и присылаемых от полков офицеров для закупки на полки провианта» (13). Спросить купцов он не мог, потому что «купцов по Ливнам не единые души не имеется» (12). Это замечание вызывает невольное удивление. Ливенский уезд непосредственно примыкает к Елецкому, сходен с ним по качеству почвы и климату. Своими руками земледельцы хлеб убрать не в состоянии и вынуждены обращаться к наемному труду в широком размере. Все эти детали как будто дают нам право распространять хозяйственные особенности Елецкого соседнего уезда, обрисованного с достаточной полнотой, и на хозяйство Ливенского уезда. Уезд не мог обойтись без фактических купцов. Конечно, и здесь они были, но, очевидно, из числа лиц, «вступивших в непринадлежащий им промысел», и на первом месте опять мы увидим и здесь крестьянина или однодворца, потому что согласно сообщению Академической анкеты «в Ливенском уезде народы живут по большей части однодворцы и помещиковы крестьяне, також Слободских полков казаки» (30). Вообще, Академическая анкета по этому поводу говорит достаточно: в уезде «народ больше упражняется в пахоте земли, и в лутчем состоянии находится тот, ежели кто большое рачение возымеет к пахоте земли и к севу хлеба, то от того может приобресть немалой себе пажит» (5). «Обыватели в Ливнах (городе) содержат промыслы: за неимением купечества однодворцы разными товарами, скотиною, мясом, рыбою, хлебом, а в Ливенском уезде токмо хлебом и скотом» (5) торгуют. Мукомольных водяных мельниц 296. Эта цифра мельниц, кажется, есть показатель добросовестного выполнения задачи данным воеводой, чего, повидимому, нельзя сказать о других воеводах, которые едва ли подсчитывали все мельницы полностью. Сеется рожь, пшеница, овес, греча, просо, горох, мак, конопля. Никаких фабрик и заводов ни в городе ни в уезде не имеется (7). Перестройку общественных группировок мы видим и здесь.

Еще короче изображен своим воеводой в Сенатской анкете уезд Лебедянский, лежащий тоже в непосредственном соседстве с Елецким к северо-востоку от последнего. Но этот воевода столь же лаконичен, как и четок в своих определениях: без лишних слов он передает суть вещей. «Дороговизна в нашем

---

[1] Едва ли воевода мог точно знать, на какой предмет «великое множество» скупщиков скупает хлеб. Другие воеводы в этом и признавались (Ефремовский воевода. См. стр. 91).

месте в хлебе сделалась не от чего другого, но только от одних приезжающих для покупки такого хлеба из замосковных, подмосковных и протчих дальних мест всякого звания многого числа людей». Так думает воевода и, по его свидетельству, с ним согласны дворяне и купцы.[1] В дальнейшем он изображает свой уезд хлебородным, черноземным, не требующим удобрения, где пашут землю усердно, и труд земледельца природой награждается обильно. Академическая анкета прибавляет несколько деталей. «Лебедянской грацкой и уездной народ кроме того, что только одного земледелия и хлебного сеения, також и некоторое малое число из них, а особливо из грацких жителей имеют художество портное, да и то только шьют русское мужичье платье, також бочарное и горшечное, а инова никакова и к лутчему состоянию ремесла не имеют, а оной грацкой и уездной народ довольство имеют во всяком разном хлебе и в разном скоте», а недостаток в строительном лесе. (6). «Грацкие и уездные обыватели торгуют только одним хлебом и самыми малыми деревянными мелочными своими рукодельными разными товарами, а окроме того никаких промыслов не имеют» (5), «никаких фабрик и заводов прежде сего не бывало и ныне нигде нет» (7). «Сеют больше рожь, овес, гречу, просо, и немного пшеницы, горох и конопляное семя». «А прибыли оные хлеба во обильные и плодоносные годы приносят: рожь, овес, греча втрое, просо вдесятера, пшеница озимая и еровая вдвое, горох вчетверо, семя конопляное вдвое» (21), «А оставшийся за употреблением обывателей хлеб на продажу из Лебедяни возят в Москву, в Серпухов, в Тулу, в Коломну и протчие подмосковные города зимним путем на подводах по малому числу, а сколько в которое место имянно отвезено», сведений в Канцелярии нет, потому что «оного города Лебедяни разных чинов обыватели оной хлеб возят каждой от своего собственного дому порознь, а не обще» (21 Кад.). Скот только «для своего удовольствия». На счет урожайности показания анкет вообще следует понимать не очень буквально: едва ли рожь здесь рождалась сам-3 при наличии «тучного плодородного чернозема», характеризуется этот уезд и сейчас.

Что касается физиономии города, то Академическая анкета рисует его так: была деревянная крепость, сгорела в 1705 году вместе с домами обывателей и казенным строением. Укреплений больше и не делали, а город уже в новом виде снова вырос. Одна каменная церковь и четыре деревянные. Имеются ряды, где торгуют мелочным товаром, на площадях — хлебом. Дома все деревянные. В одной версте от города — Троицкой монастырь, где гостиный деревянный двор, и бывает в год три ярмарки, «на которые приезжают купцы... из Москвы, а наибольше из Тулы, и из Ельца, и из других разных городовых. «Четвертая ярмарка бывает «с сукнами и с шелковыми товарами» при девичьем монастыре, приезжают купцы из ближних городов, особенно Ельца, торгуют «в поставляемых при том монастыре шелашах».

---

[1] Щекатов, Словарь. При ревизии здесь числилось в общем количестве 60.357 душ муж. и женск. пола; однодворцы (32.606) и помещичьи крестьяне и люди (21.638) составляли 90% всего населения.

В том же стиле и следующий к северу уезд Донковский. Город по сообщению канцелярии, «от построения ево из давних лет состоит в неисправности»: понятно, почему он и сейчас находится «в великой ветхости и почти без остатку весь развалился и погнил» (1). От старого времени стоит еще в городе деревянная церковь, но новая каменная строится уже за городом, т. е., за крепостью. Факт показательный. Новый город строится на новых основаниях. Два раза в год бывает здесь ярмарка. Приезжают купцы из разных великороссийских городов. В уезде две ярмарки в селе Хрущеве помещика Ивана Кириллова сына Хрущова (в мае и августе). В городе с уездом муж. пола 24034 души (преимущественно однодворцы и крестьяне). По Сенатской анкете недорода здесь не было, хлебопашцев «многое число прибыло» (2), удобрения земля не требует, кроме исключительных мест, «однодворцы и экономические крестьяне стали быть против прежнего в лутчем состоянии и в довольстве экономии своей, употребляя по имуществу своему деньги за расходом экономии своей многие в покупку вина, и пред прежними годами стали пить больше» (8). Экономические крестьяне увеличили запашку по сравнению с прошлым, т.-е., однодворцы и крестьяне, конечно, не все, а часть их, богатеют. Академическая анкета о тех же вещах говорит так: «города и уезда у разных чинов обывателей никаких промыслов, кроме довольствия пашенною землею, не имеется» (5). «Во оном же городе и в уезде ни в каких ремеслах народ, кроме пашенной работы и владением сенокосных лугов с угодьи, к пропитанию своему не упражняются» (6). «В гор. Донкове и в Донковском уезде по селам и деревням никаких фабрик и рудных заводов не имеется». Сеют рожь главным образом, меньше пшеницу, просо, гречу, овес, льняное семя и конопляное, горох, «и выход бывает по благополучию года против посеву весьма с приплодом...» (21). «Однодворцы на свои нужды по малому числу хлеб в продажу возят зимним путем в Москву, Тулу, и в Калугу и в Коломню» (21 Акад.). «В гор. Донкове и уезде народ живет: в городе в слободах по большей части однодворцы и помещиковы, а по уезду больше помещиковы крестьяне, а между их однодворцы особыми селами, а в протчих вместе» (30). Хлебных мельниц 20, из коих 1 однодворческая и 19 помещичьих. Что касается причин дороговизны хлеба, то воевода объясняет ее тем, что бывает много скупщиков из разных подмосковных мест, «кои не столько для своих нужд, но более из барыша покупая, отвозят в разные места... Здешние ж обыватели, имея довольное число всякого роду хлеба, продают приезжим скупщикам дорогою ценою рожь на месте (по 1 р. 60 и 1 р. 70 к. и больше). Имущие ж и достаточные однодворцы и монастырские крестьяне сверх того «по дороговизне вываживали в Москву и в другие места, брав в тех местах превосходную цену», отчего, конечно, и разбогатели, «особливо однодворцы и экономические крестьяне стали быть против прежнего в лутчем состоянии» (8). Свое собственное мнение по этому предмету воевода излагает с еще большей яркостью. Не только-де откупщики и барышники, изображенные им в п. 8, тому причиной, но и дальнейшая судьба Донковского хлеба, который переходит «в другие руки» и при их посредстве уходит «за границы» (11). Мнения купцов он не приводит, потому что «здесь купечества состоит не с боль-

шим двадцать душ, и те скудны, и отобрать о том к сведению не от кого». Дворянство же вполне соглашается с воеводой. Интересно и здесь отметить появление на сцене «имущих и достаточных однодворцев и монастырских крестьян» в роли действительных, хотя и не патентованных, купцов при инертности номинального купечества, обреченного на неизбежную гибель. Между строк как будто сквозит недоговоренность относительно крестьян помещичьих. В Академической анкете сказано, что в Донковском уезде большинство населения составляют помещичьи крестьяне. Мало вероятно, чтобы в их среде, под влиянием общих причин, не появилось имущих и достаточных, успевших использовать новые условия к своей выгоде. Мало вероятно, потому что в других уездах при аналогичных условиях мы не раз могли наблюдать подобные явления.

Ефремовский уезд, западный по отношению к Донкову и Лебедяни, в Сенатской анкете со стороны состояния земледелия охарактеризован в вполне благополучных тонах: урожай хороший ежегодно (1), хлебопашцев прибыло (2), люди в хлебе нужды не имеют (3), распашка растет год от году (4), земля удобрения не требует (7). К этому Академическая анкета прибавляет: «... жители, однодворцы и помещичьи крестьяне, в летнее время находятца в земледелии и сеют озимой и еровой всякой хлеб, а по сниме оной хлеб для продажи возют в разные места сухим путем, а других промыслов и лутчея того ремесла города Ефремова и оного уезда у обывателей не находитца». «В городе Ефремове и в Ефремовском уезде по селам и деревням фабрик и рудных заводов не имеетца» (7). «В селе Рожественском, в вотчине помещика отставного секунд маэора Стратона Иванова сына Сахарова, ряды имеютца, и ярмонка бывает в сентябре м-це 21 числа...» и больше в уезде нигде ни рядов, ни ярмарок (8). «В городе Ефремове бывают ярмонки... (четыре), приезжают торговать Елецкие и Тульские купцы с мелкими товарами». Гостинного двора здесь нет. Купечества в городе тоже нет (4). Следовательно, в торговлю пошли опять крестьяне и однодворцы. Бывшая городская крепость почти развалилась, остатками дерева сенатор граф Петр Ив. Шувалов в 1759 году велел топить печи и ремонтировать воеводские канцелярию и дом. От укреплений после этого скоро остался один ров. Так город стал в непосредственное соприкосновение со своими слободами.

И этот уезд чисто земледельческий. Со стороны хлебной торговли характеризуется он двумя анкетами с неравной полнотой. В Академической анкете сказано только, что однодворцы и помещичьи крестьяне для продажи возят хлеб в разные места сухим путем. Сенатская анкета по этому предмету дает гораздо больше. Прежде всего здесь мы имеем подтверждение только что приведенного факта: «...градские и уездные жители урожайной всякой хлеб по неимению в городе Ефремове купечества возят на продажу в разные города: в Москву, в Тулу, в Серпухов, в Калугу, разведывая, где хлебу состоит высокая цена. От чего в тех городах хлебу цена возвышаетца, за недородом ли в других городах хлеба или за другим чем, неизвестно» (9). И кроме того — дополнительные сведения о приезжих купцах: «хлеб ценою превосходит более

за великими подъездами от разных городов для покупки хлеба как зерном, так и скирдами и одоньеми, и, видя высокую на хлеб цену, и сами Ефремовского уезда жители отвозят для продажи в Москву, в Калугу, в Серпухов и в протчие города» (11). Относительно приезжих скупщиков воевода и по специальному пункту 8-му говорит то же: бывают «великие подъезды скупщиков из других городов». «А для себя ль или на продажу, о том известия не имеется» (8). Обе анкеты сходятся в своих показаниях и относительно отсутствия в городе купечества, функции коего выполняются другими группами населения.

Самый северный уезд в провинции и последний, Скопинский, представлен только в одной Академической анкете. От прежних городских укреплений в середине XVIII в. остались только следы. Судя по тому, что внутри бывшей крепости имеется одна каменная церковь и дома обывателей, этот город можно причислить к числу городов, имевших корни в хозяйственной жизни данного места. И действительно, хотя гостиного двора здесь и нет, но есть вместо него ряды, в год три ярмарки, четыре торговых дня в неделю (4). У обывателей есть промыслы: покупают и продают мед, кожи «яловочные сырые деланные и бараньи, щетину, меха, хлеба и мелочные товары» (5). «Народ упражняется в делании яловочных и бараньих кож, всякой медной и железной посуды; в лутчем состоянии находитца кузнечное ремесло» (6). «В городе Скопине имеетца 4 кожевенных да один железной ручной заводы, а в селах фабрик и заводов нет» (7). В уезде население занимается земледелием, сеют рожь, просо, овес, гречу, «урожаем бывают против посевов втрое и четверо, а иногда и впятеро». Почва здесь черноземная, местами сильно перемешанная с глиною. По роду занятий жителей уезд принадлежит к числу чисто земледельческих. Так как непосредственно с этим уездом соприкасается уезд Ряжский (Тамбовской пров., см. стр. 78), довольно ярко представленный в отношении тех хозяйственных процессов, которые оживляли край и, между прочим, вызывали дороговизну в хлебе, то у нас имеется некоторое основание распространить, хотя бы частично, особенности Ряжского уезда и на ближайший к нему уезд Скопинский.

О помещичьем хозяйстве провинции в анкетах говорится очень мало. Только вскользь отметили воеводские канцелярии о наличности мельниц, принадлежащих исключительно помещикам, и сообщили о богатом помещике Хрущове. Такой лаконизм данного источника, может быть, и понятный, заставляет однако искать разрешения вопроса в других материалах, так как весьма мало вероятно, чтобы помещичье хозяйство осталось в стороне от столь мощного и широкого хозяйственного движения. Князь Щербатов в Комиссии 1767 года уполномочен был от своего дворянства говорить также и о том, что «колико дворянство не упражнено службою своею государю, однако не меньше имеет старания и о домостроительстве, помышляя, что домостроительство партикулярных людей делает их изобилие, а обилие партикулярных сочиняет обилие государства». Он должен был также настаивать, «...чтобы дворянство могло пользоваться торгом хлебным, и чтобы купечеству было запрещено у крестьян по дворам

хлеб закупать, ибо таковая закупка ими хлеба действительно к разорению крестьян клонится, понеже часто купцы, задавая вперед крестьянам, наконец принуждают их за половинную цену хлеб им отдавать». Наказ Щербатову говорит также о желании дворянства получить право торговать за границей.[1]

Все это доказательства тому, что краткость или молчание Сенатской анкеты в отношении дворянского хозяйства нельзя толковать в смысле отсутствия, незначительности или упадочности этого типа хозяйств. Эта скупость Сенатских данных объясняется тем, во-1-х, что прямого вопроса о дворянском хозяйстве в анкете не было, во-2-х, может быть, потому, что воеводы в качестве дворян не хотели подчеркивать свою заинтересованность в высоких ценах на хлеб, наконец, может быть и потому, что некоторые из воевод искренно не считали дворянскую торговлю хлебом причиной возвышения цен. Как бы то ни было, мы имеем указания, порой даже очень яркие, на активное участие дворянства в изображаемых экономических процессах только в отдельных случаях.

Шацкая провинция.

В этой провинции девять уездов: Шацкий, Керенский, Наровчатский, Троицкий, Темниковский, Кадомский, Касимовский, Елатомский и Краснослободский. Из них 7 уездов описаны двумя анкетами, Сенатской и Академической. Один — Краснослободский не попал ни в какую анкету и Наровчатский представлен только в Академической анкете. Большинство уездов, следовательно, находятся в очень выгодном для изучения положении.

Северная часть провинции не черноземная, но зато по ней протекают рр. Мокша и Ока, «которою, по характерному выражению Шацкого воеводы, во Всероссийскую Империю свободный ход, ибо Ака в Волгу впала». По этим водным дорогам, мы хорошо знаем, плыл хлеб, пенька и др. растительные продукты, сало, кожи, железные изделия, собранные преимущественно в Тамбовской и Шацкой провинциях. При этих обстоятельствах вполне понятно, что и провинцию нужно характеризовать не в одном тоне, а разбить ее применительно к условиям почвы на две неравные части — черноземную и нечерноземную. Первая значительно больше второй. В черноземной части главный город Шацк, когда-то крепость, сейчас сильно обветшавшая. Но с потерей военного значения город этот, не в пример многим городам Воронежской губернии, не терял всего: за ним оставалось его экономическое положение. Провинциальная воеводская канцелярия сообщает Академии Наук, что в городе каменный новый собор, каменные же канцелярия, тюрьма, воеводский двор. Остальные постройки деревянные: каменных палат нет, потому что «обыватели живут подъячие и однодворцы». Хотя воеводская канцелярия и сообщает, что здесь «посаду не имеетца», тем не менее его заменяет «слобода однодворцев,

---

[1] Поленов, Д. Истор. свед. об Екатерин. Ком., стр. 301-302.

называемая Казачья», а с другой стороны, в самом городе обывателю становится тесно, и он начинает выходить за черту укреплений: за городом уже построена вновь деревянная церковь (2). Ярмарка бывает: приезжают купцы из Касимова и Елатьмы, «да крестьянство привозят пеньку». Базарный день «всякую субботу» (4). «У обывателей промыслов нету, а только земледельствие: пашут хлеб...» (5). «Никакого рукомесла нету кроме пахания хлеба, понеже народ однодворцы, и графа Кириллы Григорьевича Разумовского крестьяне пашут боярский хлеб» (6). В Шацке-городе фабрики никакой нет, а в уезде у князя Репнина, близ реки Мокши и от Шацка в 60 в., имеется завод железный и место, довольное лесами; винные заводы графа Кириллы Гр. Разумовского, Салтыковой Веры Ивановны, князя Урусова. «А комуникация рекою Цною в Мокшу, а Мокшею в Оку реку, которою можно свободно ходить во Всероссийскую Империю» (7). Хлеб сеется: рожь, овес, пшеница яровая и озимая, греча, просо, горох, мак, ячмень «мало и безродной, а протчей хлеб родитца з достатком...» (21). Скот разводят обычный, кроме того «конские заводы имеютца, а паче (разводят) овец, и шерсть не худая на овцах» (22). Население, главным образом, помещичьи крестьяне и однодворцы. Последних более 100.000 душ (30).[1]

В уезде тоже заметно оживление: «торги немалые в селе Сасове близ города 30 верст; приезжают по зимам купцы, закупают и треплют пеньку урожаю Шацкого уезду, отвозят в Вологду, Питербурх и в Нижней на делание канатов и фабрик. И хлеб тут же закупают и протчее». Возят лошадьми, потому что Цна судоходна только весною. В Шацком же уезде в ста верстах от Шацка близ г. Керенска имеется экономическое село Спасское, стоит оно не на реке. Сюда приезжают «из разных городов осенью купцы, покупают хлеб всякой и оттуда возят 25 верст лошадьми в село Кириллово, которое стоит на р. Выше, и тут грузят тамо сделанные барки числом от 35 до 40 соснового лесу». Весной сплавляют барки в р. Цну. Некоторые суда ходят в СПетербург и Москву «реками разными». В том же селе Спасском купцы скупают рожь, сало, пеньку и возят зимой в др. города. В Шацком уезде на р. Мокше есть монастырское село Пурдошки. Оно замечательно тем, что здесь делают сосновые барки и нагружают их «свозным покупным хлебом в разных торжках, городах и помещицкой». Тут же грузят и железо из Темниковского уезда с завода Тульского купца Баташева. В мае месяце все отправляются в Оку и дальше (8).

На требование Сенатской анкеты воевода отвечал за всю провинцию. По его отзыву, в части провинции был недород. Но в общем земледелие в уезде ущерба никакого не претерпело. Пахать даже стали лучше. «Хлебопашцев против прежнего не только (не) убыло, но... оказалась прибыль» (2). «Каждый крестьянин не только на себя, но и к продаже может наработать» (3). Пустоты нет, наоборот, замечается недостаток в земле (4). Экономические крестьяне

---

[1] Может быть, канцелярия несколько и преувеличила эту цифру. Во всяком случае всего населения в этом уезде в 1766 году было 129.373 д. Арсеньев, Статист. очерки России».

не только не оставили пашни, но еще нанимают землю. Вообще же, в провинции землю стали обрабатывать «против прежнего лучше». Мелиорация применяется к землям собственным. Наемную землю не стараются улучшить из опасения, что улучшенную землю собственник может отобрать и дать в аренду другому по более высокой цене, что, действительно, и бывало не раз.

Сенатская анкета подтверждает сообщение Академической о значительной торговле хлебом: сюда приезжает «множественное число... из других городов покупщиков». И купцы и дворяне считают это причиной возвышения хлебных цен. Сам воевода согласен с таким объяснением факта. Насколько эти хозяйственные процессы были жизненны, можно судить, хотя бы по примеру села Спасского. В 1779 году оно было превращено в город, в котором в начале XIX века было уже около 6000 жителей, 5 салотопенных и 1 чугунно-литейный завод. Продукция первых оценивалась в 200.000 руб., второго в 30.000 руб. Сало отправлялось в Москву и Коломну и приносило своим владельцам от 5% до 6% прибыли. Сюда из близлежащих городов приезжают купцы и мещане, торгуют хлебом, мерлушками, пенькою, медом, салом и разными деревенскими мелочными товарами. Из города отправляется пенька на разные фабрики, а рожь и мука на винокуренные заводы сухим путем. Прочие жители продовольствие имеют от хлебопашества и скотоводства.[1]

Переходим к ближайшему соседнему на восток уезду Керенскому.

Город Керенск когда-то был построен для защиты Московского государства от кубанских татар. В середине XVIII в. часть укреплений разрушилась и больше не восстанавливалась. Внутри укрепления жизнь замерла совсем. Стоит одна каменная «палатка о дву жилах для сбору денежной казны подушных денег, построенная в 1761 году». Новая жизнь началась за городом: здесь и каменная церковь с каменной оградой, девичий монастырь с каменной же церковью. В городе имеется полотняная фабрика купца Алексея Милякова с каменными палатами, построенная в 1758 году. Бывает две ярмарки в году, обе летом. Приезжают с товарами разного чина люди с мелочным товаром. Торговый день в неделе — пятница. Городские обыватели промыслов никаких специальных не имеют, «а употребляются по наймам в вывозе из Саратова и из Камышенки соли и рыбы в разные места, и на полотняной фабрике, и в других наемных работах» (5). «А больше в летнее время употребляются в землепашестве к сеянию хлеба; и от того те обыватели имеют довольство» (6). Кроме вышеуказанной фабрики, у того же Милякова с 1735 года работала фабрика в 25 верстах от города на реке Ширингуже в лесу, тоже полотняная и парусинная. Обе фабрики выделывают «полотны фланские, коломинку и ревендужные тонкие и парусинные толстые» (7).

Но главное занятие жителей все-таки земледелие. Сеется рожь, пшеница, овес, полба, просо, греча, горох. Урожайность бывает разная: «в хлебородное время урожается рожь, греча и горох в восьмера, а протчей хлеб весьма неурожаен». Хлеба производится больше, чем нужно для населения, и остающийся

[1] Л. Ц. И. А., Экономич. прим. Спасского у.

за употреблением хлеб вывозится сухим путем и продается по торгам (21). В уезде имеется село Черкасское, в котором бывает каждую неделю по вторникам торг, «и в нем покупается приезжими из разных городов купцами хлеб, которой свозят в Шацкий уезд на Вышенскую пристань, с которой судами отпускают в разные места во время разлития полых вод» (8). Это та самая пристань Выша, куда свозится хлеб и из соседнего Инсарского уезда. Таковы данные Кадетской анкеты. Академическая дает то же самое с некоторыми только сокращениями. Сенатская в этот же материал вносит большое оживление и осмысление. По сообщению воеводы, хлебопашцев в уезде прибыло, пустоты нет никакой, экономические свою запашку не убавили, а вполне возможно, расширили. Торговля хлебом растет. Усиление скупки хлеба в уезде как дворяне, так и сам воевода считают основной причиной возвышения цен на хлеб. Цена выросла «от... многой покупки разных городов покупателями» (13). Это мнение дворян. «Скупщики, приезжая из разных городов, покупая множественное число, отправляют водою судами в Санктпетербург и в другие верховые города, також и присланные из провиантской канцелярии офицеры, закупая, отправляют в указанные места, а возами в Москву и в другие разные города, и на Волгу к колонистам, и наезжающие про себя из многих городов крестьянство, а больше подмосковные». Так думает сам воевода, «а иных причин продолжающейся дороговизны не находит» (выше он указывал еще на недород). Здесь все называются приезжие покупатели. Были, конечно, и свои собственные, местные купцы, хотя они и не носили этого громкого имени. Воевода в ответе на 8-й пункт уверяет, что злостных скупщиков у него в уезде нет, «потому что там однодворцы и крестьяне, а купцов нет». Этот ответ нужно понимать так, что местных патентованных купцов нет, но хлебом торгуют однодворцы и крестьяне, которые, по утверждению воеводы, не задерживают хлеба до высоких цен, на что-де способны купцы. А приезжие купцы, по мнению воеводы, не повинны в поднимании цен, потому что сами «дорого покупают и работников перед прежними годами дороже на суда нанимают». Это отправка хлеба в далекий путь. Итак, и в Керенском уезде те же основные явления, что и в Шацком.

Дальше к северу лежит уезд Наровчатский. Здесь такой же чернозем, и народ «больше упражняется в земледелии» (6). Из промыслов Академическая анкета называет так же, как и в Керенском и, надо думать, в других рядом лежащих уездах, привоз из Саратова рыбы и соли, и «покупка хлеба» (5 и 6). Сеется здесь рожь, овес, пшеница, яровая и озимая, полба, греча, просо, горох. Урожайность в хлебородные года «по взятым от здешних хлебопашцев сказкам» «по две части», т.-е., вдвое. Сообщение по меньшей мере странное. В Словаре Семенова об этом уезде сказано, что он принадлежит к числу «чисто земледельческих», и что хлеба не только достаточно для местного продовольствия, но он «в большом количестве» сбывается или на пристани р. Мокши, или в Моршанке, а также идет на винокуренные заводы. Иначе не могло быть и в середине XVIII века, потому что в анкете отмечена торговля хлебом. Наконец, Наровчатский уезд не мог резко отличаться от смежных Троицкого

и Керенского, где ни в коем случае такого скудного плодородия предполагать не приходится. Живут здесь однодворцы, дворцовые крестьяне и новокрещены из мордвы (30). Что касается самого города Наровчата, то в середине XVIII в. он представлял вид разрушающейся крепости, около которой жило городское население. Укрепления развалились, и дерево, в силу Сенатского указа, стало употребляться «на топление и починку канцелярии, караульных и тюремных изб, и воеводских казенных хором» (1), но все-таки внутри крепости еще стояли две церкви деревянные, и строилась новая каменная; других никаких каменных построек не было (2). По этим признакам можно угадать, что город втянут в общую хозяйственную жизнь края. В нем три ярмарки, приезжают сюда торговые люди, по средам в городе торговый день, гостиного двора все же нет. По селам ярмарок не бывает. Значит, город успел стать центром местной хозяйственной жизни. Фабрик и заводов нет.

Еще севернее — Троицкий уезд. Троицкий воевода на запрос Сената объяснил, что недорода здесь не было, хлеб родился «посредственно», а рожь даже гораздо лучше прошлогоднего; хлебопашцев прибыло, не хватает земли, затруднения в земле испытывают и экономические крестьяне. Земледелие могло бы быть еще лучше, если бы не переделы земли у дворцовых крестьян, отчего земля «ежегодно от земледельцев из рук в руки переходит». В Академической анкете читаем: «у обывателей никаких нет промыслов, понеже обыватели имеют у себя пахотную землю и тем пропитания имеют» (5), «ни в каких ремеслах народ больше упражняется и в лутчем состоянии находится пахотною черною работою» (6). Сеется и хорошо родится рожь, другие злаки хуже (21). Некоторые жители, с которыми беседовал воевода, такого мнения, «что против прежних лет умножилось людей и денег, а земель недостаточно, а деньги весьма свободно стали, и от того прожиточные люди как работных людей и землю нанимают, так и хлеб и протчее продают дорогою ценою». Тем не менее воевода заявляет, что у него в уезде «скупщиков» нет. Ясно, что это слишком точный ответ на то, что требовалось в Сенатском вопросе, т.-е., здесь, по указанию воеводы, нет злостного спекулянта. Такового в уезде может быть и, действительно, не было, или он укрывался от взоров начальства. Нормальная торговля хлебом во всяком случае идет энергично. Сами жители возят хлеб на продажу в другие места. Прожиточные люди расширяют запашку, работных людей и землю нанимают. Кто эти прожиточные люди, не довольствующиеся своей землей, нанимающие и эксплуатирующие ее при помощи наемного труда и продающие хлеб дорогою ценою? Это не купцы, потому что воевода ясно пишет «купечества в тамошнем городе, кроме хлебопашцев, не имеется» (12), дворян здесь нет совсем (13). В Академической анкете в п. 30 читаем, что «в Троицком остроге и уезде народ живет однодворцы и дворовые крестьяне, из мордвы новокрещены». Стало быть, прожиточные люди могут быть только из этих довольно однородных элементов. Впрочем, в 14 пункте, где предоставлялся воеводам простор для своих собственных рассуждений, Троицкой представитель власти разъяснил этот вопрос довольно точно: «дороговизна в хлебе от того, что

так как людей противу прежнего умножилось, и по числу оных в земле недостаток последовал, то многие жители пришли во оскудение и оттого земли свои прожиточным мужикам в наем отдают, а сами идут в работу на воденые суда и в другие промыслы, а протчие к тем же прожиточным мужикам нанимаются работать» и у этих же «прожиточных мужиков хлеб дорогою ценою покупают, а иные неимущие за хлеб у тех прожиточных зарабатывают. А оные прожиточные мужики, не имев в деньгах и ни в чем нужды, хлеб дешевою ценою продавать удерживаются».

Типичная картина расслоения в крестьянской среде. Возобновляемый здесь винокуренный завод, конечно, будет способствовать углублению уже ясно наметившегося процесса. Завод уже объявил, чтобы желающие везли рожь и овес. И «прожиточные мужики» откликнулись на этот зов, перестали возить хлеб на базар и продавать его в розницу, «а наровят, чтоб на оный завод ставить дорогою ценою». Итак, в уезде самой заметной фигурой, выдвинутой общим ходом хозяйственной жизни, стал «прожиточный мужик»: в его руках оказалась земля, деньги и труд выброшенных с земли людей. Он же берет в руки и торговлю.

Темниковский воевода вообще с Сенатской анкетой не совсем справился и на некоторые вопросы дал ответы не очень точные. В число этих последних попал и вопрос 2-ой об убыли хлебопашцев. Воевода, если он понял, о чем его спрашивают, отвечает иносказательно: «по власти божией были умершие, точию вместо того вновь состоят новорожденные», т.-е., надо полагать, хлебопашцев не убыло. На другие пункты он отвечает без всяких метафор. Оказывается, что население усердно занимается земледелием, пашут и удобряют землю хорошо. Неурожая сколько-нибудь значительного здесь не было. Есть винокуренные заводы, потребляющие хлеб. Вообще же цена хлебу растет от скупщиков всякого хлеба, которые «по торгам от разных мест бывают». Воевода сделал даже бесплодную попытку бороться с этой скупкой и разослал по уезду «от канцелярии» агентов, которые должны запрещать скупку, тем не менее остановить этого движения ему не удалось: «за множеством приезда и по знакомству с обывателями отлучить их невозможно». Несомненно, и купец и продавщик в этих операциях были настолько заинтересованы, что признание воеводы в своем бессилии не требует никаких комментариев. Очень интересно, как воевода отвечает на 13 и 12 пп. анкеты, где требуется сообщить мнение дворян и купцов. Дворяне готовы свалить все на недород «по власти божией» и не склонны указывать на свою собственную заинтересованность в сбыте хлеба по высоким ценам. Воевода заметил эту стыдливость дворянства и в своем ответе делает намек на действительное положение вещей. После упоминания недорода, на который ссылается дворянство, он указывает, что дворяне все-таки «проговариваются», «что от других уездов для закупки хлеба бывают подъезды немалые», против чего они, дворяне, как дает понять воевода, устоять не в силах. «И от того хлебу не без дороговизны состоит». Относительно купцов он позволяет себе сказать откровенно приблизительно то, что думает и о дворянах. «О показании, по какой причине купцы дороговизны приписы-

вают, не бессумненно». Почему? Да потому, что «они сами... ездят или кого от себя для закупки хлеба в Темниковской уезд в осеннее время по торгам посылают,... закупают в разных деревнях тайным образом и насыпают в удобные места, сберегая до зимнего пути или скрытия воды, а после по свободе оной хлеб, отпустя по другим разным местам, и продажу чинят только для своей одной корысти дорогою ценою, а после того выкупу в тех же местах год от году покупкою хлеба цена возвышается».

В анкете Кадетского корпуса город и его уезд представлены так: в городе от старых городских укреплений ничего не осталось (1). Пять церквей, одна большая «о двух артажах» каменная, строится еще одна каменная. Домов каменных нет (2). Ярмарок не бывает. Базарный день воскресенье. На базаре 13 лавок, но «оные стоят почасту пусты», «а временами, особенно в сухое летнее и зимнее время в тех лавках торг производят из других городов приезжие купцы московскими мелочными товарами», рассчитанными на крестьянские потребности. На прилавках в постные дни продается рыба, а в мясные дни мясо. Темниковские купцы однако в этих лавках не торгуют, а занимаются другим делом: «они имеют торговой промысл хлебом..., по реке Мокше отпущают нагруженные хлебом новоманерные коломенки до города Ярославля». Суда с хлебом ходят весной и из села Пурдошек по Мокше к Москве и Ярославлю и «до протчих городов». Везут тем же путем и соль (11). Торгуют также медами и воском, потому что в уезде очень развито пчеловодство. В городе имеется малое число кузнецов. Уезд живет «от трудов плодоносия земли», разводят пчел, делают крестьянские сани и тележные колеса. В 70 верстах от Темникова имеется железный завод тульских купцов Петра и Прокофия Баташевых, построенный в 1755 г. по указу Берг-коллегии и, по всем признакам, энергично развивающийся. Изготовляется здесь разное чугунное литье, котлы, горшки и на кровлю черепица, а в молотовых фабриках—полосное, связное, кровельное листовое железо и сталь. При заводе есть пильная мельница, она же и хлеб стала молоть с нынешнего года. Здесь же строится красная фабрика, в которой производиться работа будет водою (7). К заводу окрестное население подвозит по воскресеньям хлеб и всякие съестные припасы. В уезде в селах Дубровках и Акселе имеются хлебные торги и др. крестьянскими изделиями. В этих селах есть казенные кабаки, а в Дубровках кроме того и казенная соляная продажа. В уезде 38 водяных хлебных мельниц.

Теперь переходим к обозрению уездов нечерноземных. К ним относятся— Кадомский, Касимовский и Елатомский.

Ближайший к Темниковскому — Кадомский уезд. Города Кадома в момент составления Академической анкеты было «познать не можно, понеже оное ограждение все развалилось» (1). «Внутри того города церквей и приходов и строения ничего не имеетца и не бывало» (2). Надо думать, что воевода либо имеет ввиду только время, охватываемое памятью его современников, либо сгустил краски по мотивам личного, психологического характера. Иначе это был бы случай маловероятный. Вся скромная городская жизнь течет за крепостью. Здесь обветшавшие деревянные церкви заменены

каменными, и среди деревянных построек стоит один обывательский полукаменный дом (2). Это и есть новый город. В этом новом городе с уездом воеводская канцелярия считала 10.654 души м. п.[1] Бывает одна ярмарка в году. Торговый день в неделе — суббота. Товары — всякая мелочь, а «воловых больших товаров не бывает» (5). Купцы сюда не приезжают ниоткуда. А местное купечество, по выражению Кадетской анкеты, «самое последнее» (4). Бывают еще ярмарки в деревне Тенгушеве и сельце Новоселках. В первой даже есть «ряды» (8). «Народ упражняется больше черною работаю, а купечеством малое число» (6). «В лутчем состоянии находится, кто купечество имеет, а у протчих недостаток награждается от трудов работою» (6). Почва мало плодородная, потому и земледелие далеко от цветущего состояния: хлеб сеется обычный озимый и яровой «и то за недовольствием земель самое малое число, и перед сеянием прибыли выходит по худости земли весьма мало» (21). Фабрик и заводов нет. По реке Мокше весной ходят суда, называемые коломенками, с хлебом и с лубьем липовым до Москвы, Коломны, Нижнего, Ярославля (11). На продажу местный хлеб никуда не вывозится, сами жители часто покупают хлеб в степных местах (21). Точно также и скота никуда на продажу не гоняют. Требование Сенатской анкеты воевода выполнил слишком формально, суммарно и лаконично, но и из нее мы все-таки узнаем, что земля здесь удобрения требует, в навозе недостатка нет. Относительно скупщиков воевода кратко ответил, что таких скупщиков, задерживающих хлеб до высоких цен, у него в уезде не имеется; ясно, что и быть не могло, потому что для этого нужны свободные деньги. Из ответов этого воеводы извлечь можно только один несомненный вывод о том, что воевода отнесся в своей обязанности без всякого воодушевления. В оправдание равнодушия воеводы можно лишь сказать, что вверенный ему город и уезд, действительно, не только не мог вдохновить своего правителя, но имел все качества, чтобы привести даже бодрого человека в уныние. В 1787 году после проделанных с ним разных административных опытов он был разжалован в посад, уезд его распределен между Темниковским и Елатомским.

Относительно двух самых северных в Шацкой провинции уездов Касимовского и Елатомского отчасти шла речь уже раньше. В смысле почвенных условий эти уезды бедные. Население, следовательно, вынуждено было искать занятий других. В словаре Щекатова о Елатьме сказано, что к 1804 году там был один железный завод, два стеклянных и 16 мучных мельниц. Железный завод дворянина Баташева выплавлял до 60.000 пуд. чугуна, перековывал его в железо и продавал на месте, в Московской и Рязанской губерниях, в Нижнем и С.-Петербурге. «Особливого замечания достойно было село Сачово, лежащее на устье Цны реки, в рассуждении закупки товаров и погрузки оных на суда». Об этом селе Акад. анкета дает такой отзыв: «Торги немалые в селе Сасове близь города 30 верст. Приезжают по зимам купцы, закупают и треплют пеньку урожаю Шацкого уезда, отвозя в Вологду, Петербург и в Нижней

[1] Кадетская анкета.

на делание канатов и фабрик и хлеб тут же закупают, и протчее лошадьми возят, а то село близь реки Цны, которая река впала в реку Мокшу, и по оным суда ходят только водою в весне». В Касимове, по Щекатову, канатная фабрика, два купоросных завода, один серный, 10 кожевенных. На городской пристани грузят на струги железо. Об уезде никаких подробностей у Щекатова не имеется.

По данным Сенатской анкеты, земледельцев в обоих уездах убыло. Вот как объясняет воевода это явление. Часть крестьян, «оставя хлебопашество, пошла в разные места по паспортам для всякой работы», некоторые мурзы и татары, «по тому ж оставя свое хлебопашество, вступились в разные торговые промыслы под кредитом разных купцов», но «по необыкновенности их в тех торговых промыслах пришли в великое убожество и впали в немалые долги». В качестве несостоятельных должников они содержатся под караулом в особых «присудственных местах, на то учрежденных». Очутившись в безвыходном положении, они «из принуждения заимодавцов... дают им на себя записи на многие годы для всякой работы в домах их» в зачет долга.

Если в уезде падает земледелие, то за счет его развиваются другие промыслы. Деньги у купцов есть, если они могут не только торговать, но и давать их в ссуду. Единственный из воевод губернии должен был признать, что в его уезде имеются спекулянты хлебом: «скупщики, кои скупая хлеб, хоронят, ожидая дороговизны, разного чина люди имеются». Не только патентованные купцы, но разного чина люди занимаются хлебной спекуляцией и имеют достаточно денег, чтобы, скупив хлеб, держать его некоторое время, не продавая. На это же явление он указывает и в 11-м пункте анкеты: дороговизна произошла «за множеством приезжающих из разных городов разного чина людей, кои хлеб всякой скупают против тамошних жителей с немалою передачею; а продавцы (дворянство по преимуществу), ожидая той от скупщиков цены, тамошним жителям мало продают. И по скупке оной от дворян в свои места продают большею уже ценою». Оказывается, что хлеб в уезде все-таки есть: дворянство, владеющее крепостным трудом, еще находит возможным вести сельское хозяйство, может быть, и не без выгоды для себя. Многие же, сидевшие до сих пор на земле, хозяева погибают, не имея средств приспособиться к новым условиям хозяйства. Подрывают старые устои и находящиеся во «множестве» в тамошнем уезде разные заводы, из которых винокуренный завод закупает много всякого хлеба на выкурку вина, а прочие заводы скупают много хлеба «за множеством работных людей, которые все удовольствуются покупным хлебом». Скупают хлеб не столько местный, сколько привозный, поставляемый в эти города в значительных количествах. Воевода по этому поводу замечает, что купцы и не купцы скупают привозный по зимам из степных мест хлеб «свалом» и «ссыпают его в анбары». Козловский воевода сообщил, что хлеб его уезда отправляется в Москву, Касимов и Моршанск. Это, несомненно, оптовики, которые «крестьянство и протчих разночинцов, яко маломочных людей, в розницу покупать не допускают». Эти оптовики держат хлеб до дороговизны, а чаще «отпускают в низовые города для продажи из барыша водяною комму-

никациею», часть хлеба продают на месте из анбаров «в работную пору крестьянству и протчим людям», которые вынуждены платить «по их купецкой установленной цене вдвое, как ими (купцами) покупаем бывал». Интересно отметить, что думают по вопросу о вздорожании хлеба местные дворяне. Воевода по этому пункту сообщает, что дворяне, учитывая наиболее заметные повседневные факты, видят исключительную причину возвышения хлебных цен в поведении купечества и разночинцев: они-де скупают, ссыпают в анбары «впредь до ожидания дороговизны, не допускают народ к покупке хлеба на свой обиход». По-своему они, конечно, были правы.

Вполне понятным представляется теперь поведение депутата от города Елатьмы в Комиссии 1767 года. Он настаивал на монопольном праве купцов торговать и заявил: «если впредь крестьянам не будет запрещено иметь торг, то купечество никак не может придти в исправность», т.-е., выйти из своего критического положения. Дело в том, что здесь «многие разночинцы,[1] оставя хлебопашество, вступают в купеческие промыслы. Купечество же, претерпевая ... от такого вмешательства остановку в промыслах, несет напрасно убытки, и многие... приходят в несостоятельность, а другие находятся принужденными входить в непринадлежащие им промыслы, а именно нанимать у помещиков земли и получать себе удовлетворение от хлебопашества, или же сами поступать в работы к людям разного звания. Итак, заключает депутат, когда будет дозволено крестьянам торговать, то купечество останется не при чем и подвергнется крайнему разорению и упадку».[2]

Итак, у Шацкой провинции, собственно говоря, два лица, заметно рознящиеся друг от друга: разные хозяйственные условия, разные общественные отношения. Юг провинции в хозяйственном отношении весьма близок провинции Тамбовской, тогда как север находится во власти тенденций, больше характерных для провинций Московской губернии.

Эти три самые северные уезда нарушают довольно однообразную картину всей губернии, которая по справедливости может считаться земледельческой, при чем это земледелие на наших глазах приобретает весьма определенные черты капиталистического характера.

Показательным для губернии в целом является попытка организовать сбыт Воронежского хлеба в Крым и смежные с ним земли. Лишь только закончились военные действия с турками, и Крым получил независимость, в Воронеже организуется торговая компания для торговли с Крымом и «другими татарскими местами». В челобитьи своем купцы изображали дело так: закупленный «в гор. Воронеже и в др. местах компаниею хлеб и прочие товары до крепости Таганрогской отпускаемы быть имеют рекою Доном на собственных своих судах и наемными работными людьми» (2). По прибытии в Таганрог хлеб перегружается в морские суда и отправляется в Крым и др. татарские места. Компания предложила пай ценою в 500 руб., при чем проектировала огра-

---

[1] Сюда входят по его терминологии и крестьяне.

[2] Поленов, Д. Истор. свед. о Екат. Ком., стр. 99—100.

ничить число пайщиков только ее учредителями с допуском новых членов с согласия общего собрания. Компания хотела стать монопольной. Правительство совсем изменило ее физиономию: установило пай только в 50 руб., объявило свободу вступления в число пайщиков и отказалось признать монополию на том основании, что «торг есть дело вольное».[1]

Стало быть, попытка группы капиталистов замкнуться и богатеть при помощи монопольной торговли хлебом рухнула: компания, по мысли правительства, организовывалась на более демократических основаниях и с самого начала должна была действовать при условии свободной конкуренции. Мысль создать такую компанию очень интересна, независимо даже от дальнейшей ее судьбы. Она обнаруживает тенденции, назревающие в среде коммерческих деятелей как рассмотренной губернии, так и за ее пределами.

Окидывая общим взглядом всю Воронежскую губернию, поскольку отражена она в анкетном материале, мы приходим к следующим наблюдениям:

1. Вся губерния за очень незначительным исключением трех северных уездов Шацкой провинции черноземная, не требующая удобрения.

2. Главная масса населения однодворцы и крестьяне.

3. Главнейшее занятие жителей, а в большинстве случаев и единственное — земледелие.

4. Из озимых хлебов сеется больше всего рожь. Пшеница очень мало.

5. Анкеты дают сведения главным образом о сельском хозяйстве крестьянском и однодворческом. Заметна тенденция умолчать о характере дворянского хозяйства и о заинтересованности дворянства в высоких ценах на хлеб, как можно думать на основании всей обстановки собирания анкетных сведений, в целях отвести от дворян возможность упрека в поднимании этих цен.

6. Сельское хозяйство губернии решительно втянуто в торговый оборот.

7. Требования рынка за последние пять лет стали энергично расти.

8. Следствием связи сельского хозяйства с развивающимися требованиями рынка, между прочим, являются:

а) расширение площади посева;

б) увеличение ценности земли;

в) обострение земельного вопроса, доходящее часто до очень резких столкновений заинтересованных групп.

9. Экономические крестьяне особенно показательны в своих хозяйственных тенденциях, так как после 1764 г. они получили возможность перестраивать свое хозяйство на свободных началах. Они не только не оставили пашни, а во всей губернии стараются ее расширить.

10. Наемный труд в сельском хозяйстве растет в связи с процессом расслоения в рядах разных социальных групп. Кроме дворянства, и богатое крестьянство и однодворцы прибегают к наемному труду, расширяя свое хозяйство. Приобретенные капиталы часто пускают в торговлю. Заметно много пришлых сельско-хозяйственных и транспортных рабочих.

---

[1] П. С. З., т. XIX, № 13.886 (18 окт. 1774 г.).

11. Торговля хлебом вылилась в следующие формы:

а) скупка хлеба приезжими скупщиками на рынках у местных купцов
б) » » » » по деревням непосредственно у крестьян, при чем формы этих закупок многообразны;
в) скупка местными торговцами, не только патентованными купцами, но и разночинцами;
г) скупка компаниями на паях;
д) отвоз хлеба на рынки землевладельцами (преимущ. дворянством).

12. Методы скупки часто разоряют и закабаляют население.

13. Преобладание приезжего скупщика преимущественно с севера говорит о росте торгового капитала в крупных северных центрах.

14. Хлеб направляется главным образом в Москву и С.-Петербург, откуда за границу, также в Саратов и на юг, в казачьи городки, на Кавказ, к побережью Азовского моря, в Крым и Константинополь.

15. Скот тоже стал товаром. Отправляется он, кроме местного рынка, в Москву и С.-Петербург.

16. Среди других товаров, отправляемых отсюда, можно назвать сало, железные изделия, волокнистые вещества и шерсть.

17. Потребности местного населения в привозном, главным образом, мануфактурном товаре удовлетворяются ярмарками, большинство коих открывается после вскрытия рек.

18. Емкость внутреннего рынка вообще, точно также и по отношению к хлебу, растет и, можно думать, успешно конкурирует с внешним.

19. Часть хлеба перерабатывается в вино. Острогожск—губернский центр винокурения.

20. Дворянская вольность, если не была вызвана потребностью дворянства жить в деревне у своего хозяйства, то во всяком случае использована дворянством в этом направлении:

а) помещик перестает удовлетворяться услугами приказчика;
б) стал больше жить в деревне и заниматься хозяйством;
в) старается расширить и улучшить свое хозяйство.

21. Богатое и бедное дворянство по иному реагирует на общие экономические условия времени.

22. Старое патентованное купечество переживает кризис:

а) огромная масса выбывает фактически из рядов купечества;
б) часть, не имея возможности вести свое дело, превращается в агентов крупных хлебных скупщиков;
в) сравнительно незначительная преуспевающая часть делается чаще всего либо фабрикантами, либо крупными хлебными оптовиками.

23. На смену старого купечества идет новый купец из разбогатевших крестьян и однодворцев, которым дорог лозунг свободы хозяйственных и соци-

альных отношений. Эта новая общественная фигура вызывает беспокойство не только у старых купцов, но и у дворянства.

24. Установилось новое строго экономическое понятие города. Все города, не удовлетворяющие новым требованиям, умирают. На смену им вырастают новые города из селений, ставших прежде всего пунктами ссыпки хлеба перед отправкой его водным и сухим путем.

25. Фабрик и заводов в губернии сравнительно немного. Заводы преимущественно винные и железные. Последние на месте нахождения руд. Продукция их идет на внутренний рынок.

26. Если по всей губернии можно заметить «жадность» в приобретении капиталов, то особенной яркости достигает в этом направлении поведение хлебных спекулянтов двух самых северных нечерноземных уездов (Касимовский и Елатомский), лежащих на большой водной торговой дороге.

27. Можно наблюдать обособление хозяйственных районов в производстве и крепнущую связь их в обмене.

28. Рост хлебных цен был неизбежным следствием увеличения спроса на хлеб как на внутреннем прежде всего рынке, так и на внешнем.

29. Попытки борьбы с поднятием цен на хлеб, если только можно верить их искренности, всегда оказывались бесплодными.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР